

Л688
15

Б. Р. АГИНСКІЙ.

Борисъ Годуновъ и Лжедимитрій I.

Demetrius Alexiwitz
Magnus Dux Moscoviæ.

Смутное время въ Московскомъ Государствѣ.

Книжка 1-ая.

„Книжка за книжной“, кн. 198-ая.

Цѣны означены **„КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ".** безъ пересылки.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ (кн. 1—80). Цѣна всей серіи 11 р.

I. Повѣсти, разсказы, драматическія произведенія.

1. Маминъ, Д. Н. *Вольный человѣкъ.* 5 к. **2. Маминъ, Д. Н.** *Кормилецъ.* 7 к. **3. Маминъ, Д. Н.** *Въ ученьи.* 10 к. **4. Станюковичъ, К. М.** *Куцый.* 10 к. **5. Савихинъ, В. И.** *Аника-воинъ.* 15 к. **6. Прусъ, Б.** *Михайло-простота.* 7 к **7. Оржешко, Э.** *Юліанка* 10 к. **8. Оржешко, Э.** *Ходатай.* 12 к. **9. Оржешко, Э.** *Въ зимній вечеръ.* 8 к. **10. Сенкевичъ, Г.** *Побѣдитель.* 10 к. **11. Сенкевичъ, Г.** *За моремъ.* 7 к. **12. Зандъ, Ж.** *Маленькая колдунья.* 10 к. **13. Мериме, Пр.** *Черный царь.* 8 к. **14. Сентинъ.** *Малютка.* 15 к. **15. Лоти, П.** *Рыбаки.* 10 к. **16. Іенсенъ.** *Королева шведская.* 10 к. **17. Уйда.** *Барчукъ.* 8 к. **18. Уайтъ.** *По совѣсти.* 10 к. **19. Ауэрбахъ.** *Какъ громоотводъ ставили.* 8 к. **20. Лаффранъ.** *Жизнь за ласку.* 10 к. **21. Бьернсонъ.** *Славный парень.* 10 к. **22. Диккенсъ.** *Три дня.* 10 к. **23. Круммахеръ.** *20 притчъ.* 10 к. **24.** *Услуга за услугу* 10 к. **25.** *Гибель «Медузы».* 12 к. **26.** *Изо дня въ день.* 8 к. **27.** *Судья передъ судомъ.* 7 к. **28—29.** *Добрый смѣхъ—не грѣхъ.* Два сборн. шутл. разсказ. по 25 к. Оба—50 к. **30.** *Пройдоха.* Шутка для нар. театра. 15 к. **61. Мольеръ.** *Скупой.* Комедія (въ приспособл. для народ. театра). 20 к. **62. Ауэрбахъ, Б.** *Сирота.* 15 к. **63. Оржешко, Э.** *Романиха.* 10 к. **64. Оржешко, Э.** *Тяжкій грѣхъ.* 10 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

31. П. Д. *Пословицы, притчи и басни.* 10 к. **32.** *Пятьдесятъ басенъ Крылова.* Съ простран. объясн. 30 к. **33.** *Отецъ и сынъ.* 12 к. **34.** *Поздній даръ.* (Къ сказанію «Отецъ и сынъ»). 10 к. **65.** *Раздумье.* Нѣсколько стихотвор. съ поясненіями. 5 к.

III. Естествознаніе и техника.

35. Слѣпцова, М. *Муравей-чудодѣй.* 10 к. **36. Слѣпцова, М.** *Вымирающіе богатыри.* 15 к. **37. Слѣпцова, М.** *Обезьяны.* 15 к. **38. Слѣпцова, М.** *Пауки.* 20 к. **39. Слѣпцова, М.** *И въ червѣ толкъ.* 8 к. **40. Слѣпцова, М.** *Изъ-за перьевъ.* 5 к. **41. Слѣпцова, М.** *Дерево здоровья.* 10 к. **42. Слѣпцова, М.** *Жилища птицъ.* 60 к. **43. Слѣпцова, М.** *Дерево и лѣсъ.* 15 к. **44. Слѣпцова, М.** *Оспа и Дженнеръ.* 10 к. **45.** *Скопа.* 5 к. **66. Александровъ, А.** *Что за сила въ грозѣ.* 15 к. **67. Слѣпцова, М.** *Змѣи.* 25 к. **68. Слѣпцова, М.** *Заяцъ.* 5 к. **69. Слѣпцова, М.** *Какъ воюютъ между собою растенія.* (По Кону). 8 к. **70. Слѣпцова, М.** *Соль.* 25 к. **71. Д-ръ Зененко, В.** *Кровь.* 15 к. **72.** *Картофель.* 10 к. **73.** *Откуда взялись камни.* 15 к.

IV. Земля и люди.

46. Коропчевскій, Д. А. *Арапы.* 15 к. **47.** *Широкая степь.* 12 к. **48. Лавровъ, М.** *Кочевники.* 10 к. **49. Деполовичъ, П.** *Разсказы о землѣ Аравійской.* 40 к. **50. Слѣпцова, М.** *Разсказы о Норвегіи.* 30 к. **51.** *Люди подземнаго міра.* 20 к. **52.** *Водолазы.* 15 к. **53. Масалджи.** *Путеводные огни.* 15 к. **54.** *Студеное море и его льды.* 15 к. **74. Смирновъ, А. П.** *Въ глуши.* (Очерки Кареліи). 15 к.

V. Исторія, біографіи, сказанія и проч.

55. *Записи о быломъ.* 12 к. **56. Деполовичъ, П.** *Витязи сѣвера.* 30 к. **57.** *Первые князья русскіе.* 15 к. **58.** *Сказанія о вѣщемъ Олегѣ.* 10 к. **59. Корсунскій, П.** *В. Франклинъ.* 20 к. **60. Корсунскій, П.** *Счастливый уголокъ.* 15 к. **75.** *Колдуны и вѣдьмы.* 15 к. **76.** *Киръ—царь персидскій.* 15 к. **77.** *Египетъ.* 35 к. **78.** *Неистовый Камбизъ.* 10 к. **79—80.** *Изъ народныхъ сказаній.* I. Неткро-розовыя щечки. 5 к. II. Сокровища царя Рамзеса. 7 к.

СЕРІЯ ВТОРАЯ (кн. 81—100). Цѣна всей серіи 4 р.

I. Повѣсти и разсказы.

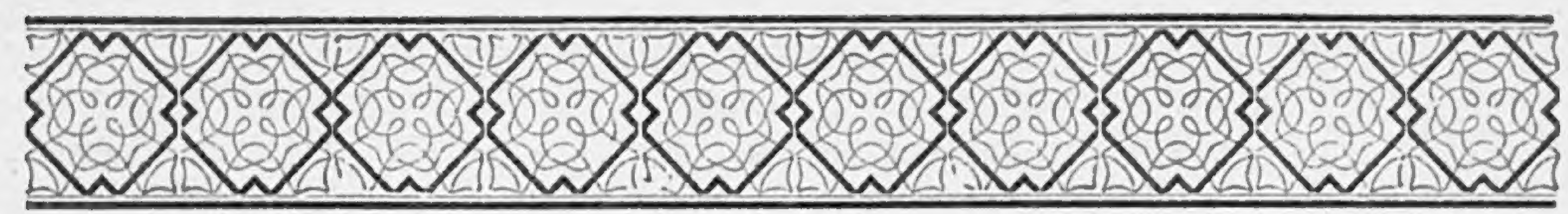
81. Савихинъ, В. *Пробужденіе.* 12 к. **86. Мопасанъ,** *Черствые люди.* 8 к. **88. Серао, М.** *Возьми ребенка.* 12 к. **93. Бурдъ.** *Старое и новое.* 15 к. **94. Гартманъ, М.** *Цѣлитель.* 10 к. **98. Уилькинсъ, М.** *Отъ нужды къ достатку* 25 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

91. Шекспиръ. *Король Лиръ,* Переводъ **А. Слѣпцова,** съ поясненіями, 40 к.

III. Естествознаніе.

82. Слѣпцова, М. *Охранители лѣса* 15 к. **85. Павлинова, Л.** *О зубахъ.* 5 к. **92. Слѣпцова, М.** *Морскія водоросли.* 10 к. **97. Д-ръ Зененко.** *Какъ человѣческое тѣло приспособлено къ движенію.* 25 к. **100. Карпантье,** *Царство животныхъ.* Переводъ, значительно измѣненный подъ ред. проф. **В. Шимкевича.** 45 к.

I.

Царь Өедоръ Ивановичъ.—Его характеръ и его ближайшіе совѣтники.

17 марта 1584 года скончался царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Тяжелое наслѣдство оставлялъ онъ послѣ себя: государство, потрясенное неудачными войнами и свирѣпой опричиной*), всеобщее недовольство и ропотъ народа, разореннаго кровавымъ царствованіемъ.

Чтобы справиться съ такимъ наслѣдствомъ— уберечь государство отъ окончательной гибели, умиротворить озлобленный народъ, нуженъ былъ человѣкъ недюжиннаго ума и необыкновенной силы. Но этихъ-то качествъ и въ самой малой

---

*) Опричиной назывался особый государевъ дворъ, учрежденный Иваномъ Грознымъ, послѣ разрыва съ московскимъ боярствомъ, отдѣльно отъ стараго московскаго двора. Такъ же назывались земли, назначенныя на содержаніе новаго двора. Остальныя земли государства назывались земщиной. Состоявшіе при опричинѣ люди назывались опричниками; они причинили много страшныхъ бѣдствій народу земщины. Объ этомъ нами будетъ разсказано въ особой книжкѣ.

долѣ не было у двухъ сыновей, оставшихся послѣ смерти грознаго царя. О младшемъ изъ нихъ, малолѣтнемъ Димитріи, пока и рѣчи быть не могло. Старшій же, Ѳедоръ, сѣвшій на родительскій престолъ, былъ такъ слабъ и духомъ, и тѣломъ, что отецъ еще при жизни своей назначилъ надъ нимъ опеку изъ пяти бояръ.

Новый царь, по словамъ польскаго посла Сапѣги, малъ ростомъ, довольно худощавъ, съ тихимъ, даже подобострастнымъ голосомъ, съ простодушнымъ лицомъ, умъ имѣетъ скудный, ибо, сидя на престолѣ, во время посольскаго пріема, онъ не переставалъ улыбаться и то любовался на свой скипетръ, то на державу.

Другой иностранецъ, шведъ Петрей, говоритъ, что Ѳедоръ отъ природы былъ лишенъ разсудка, находилъ удовольствіе только въ духовныхъ предметахъ, часто ходилъ по церквамъ, самъ трезвонилъ въ колокола и слушалъ обѣдню.

Да и отецъ такъ смотрѣлъ на него, называя его пономарскимъ сыномъ; простые же русскіе люди считали его блаженнымъ, Христа ради юродивымъ, т. е. человѣкомъ, не помышлявшимъ о земномъ, а предназначеннымъ къ святости, къ вѣнцу небесному. Схоже съ этимъ древнерусскимъ обликомъ царя Ѳедора изображали его и наши поэты Пушкинъ и графъ Алексѣй Толстой.

...На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя.

(«Борисъ Годуновъ»).

Преданный церковному благочестію, странствуя по монастырямъ, а въ досуги отъ благочестивыхъ дѣлъ потѣшаясь кулачными, медвѣжьими боями, Θедоръ не заботился объ управленіи своимъ царствомъ и не считалъ себя къ этому призваннымъ.

Какой я царь? Меня во всѣхъ дѣлахъ
И съ толку сбить и обмануть не трудно.
Въ одномъ лишь только я не обманусь:
Когда межъ тѣмъ, что бѣло иль черно
Избрать я долженъ—я не обманусь.

(«Царь Θедоръ Іоанновичъ»).

Таковъ былъ новый царь, и въ его-то слабыя руки, по праву престолонаслѣдія, переходило очутившееся на краю гибели государство. Ближайшими его совѣтниками, опекунами были дядя его бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ и шуринъ Борисъ Годуновъ.

Никита Романовичъ скоро скончался, въ 1586 г., и Годуновъ остался самымъ вліятельнымъ при дворѣ лицомъ.

II.

Борисъ Годуновъ. — Борьба за власть и торжество его. — Борисъ-правитель.

Борисъ Өедоровичъ Годуновъ происходилъ изъ татарскаго рода. Предокъ его Мурза-Четъ отъѣхалъ изъ орды на службу московскому князю еще въ XIV вѣкѣ. Около 1570 г., когда Борису было не болѣе 20 лѣтъ, онъ былъ приближенъ ко двору Ивана Грознаго, сталъ оруженосцемъ царя, участвовалъ въ опричнинѣ; однако велъ себя осторожно и не запятналъ себя гнусными дѣлами, какими позорили русскую землю царскіе опричники. Женатъ онъ былъ на дочери свирѣпаго Малюты Скуратова. Красотой своей осанки и выдающимися дарованіями молодой Годуновъ привлекъ благосклонность Грознаго; царь очень полюбилъ его, а въ 1580 г., послѣ женитьбы Өедора на сестрѣ Бориса, Иринѣ, наградилъ своего любимца званіемъ боярина. Такъ проникъ Годуновъ въ кругъ тѣхъ знатныхъ лицъ, что выслужились во время опричнины царя Ивана и возвысились по брачнымъ союзамъ московскихъ государей. Изъ этихъ лицъ главнымъ образомъ и составилась «ближняя дума», т. е. настоящее правительство. Оно взяло въ свои руки упра-

вленіе государствомъ и замѣнило собою неспособнаго и немощнаго Θедора.

Чтобы обезпечить за собою власть, Борисъ съ самаго же начала принялъ рѣшительныя мѣры. Не успѣли еще уложить въ гробъ трупъ царя Ивана, какъ, по распоряженію Бориса, были арестованы родственники овдовѣвшей царицы Нагіе, и вмѣстѣ съ ней самой и малолѣтнимъ царевичемъ Димитріемъ были удалены въ Угличъ. Вслѣдъ за Нагими опала постигла одного изъ сильнѣйшихъ бояръ того времени, Богдана Бѣльскаго; онъ былъ сосланъ въ Нижній.

Мало по-малу избавился Борисъ и отъ товарищей своихъ по управленію государствомъ. По богатству, уму, близкому родству съ царемъ, онъ занималъ среди нихъ самое видное мѣсто. Его быстрое возвышеніе возбудило зависть и злобу противъ него со стороны его болѣе знатныхъ по происхожденію соперниковъ. Самыми сильными изъ нихъ были князья знатнѣйшихъ родовъ — Гедеминовичъ Мстиславскій и Рюриковичъ Ив. П. Шуйскій. Между противниками завязалась борьба и кончилась полнымъ торжествомъ властолюбиваго Годунова. Мстиславскаго, по доносу, постригли въ монахи, а Шуйскій съ товарищами, послѣ неудачной попытки къ мятежу, сосланы были въ дальніе города, гдѣ они вскорѣ умерли; сосланъ

былъ также и митрополитъ Діонисій; мѣсто его занялъ ставленникъ и угодникъ Бориса Іовъ.

Прошло всего три года съ воцаренія Ѳедора, а Борисъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ сталъ «начальнымъ бояриномъ и совѣтникомъ царскаго величества». Царь Ѳедоръ слѣпо довѣрялъ своему шурину и охотно сложилъ на него всѣ заботы о государственныхъ дѣлахъ. «Азъ вамъ глаголю всѣмъ, — отвѣчалъ царь тѣмъ, кто обращался къ нему съ просьбами,— да не докучаете мнѣ во всякомъ челобитьѣ, идите обо всякомъ дѣлѣ бить челомъ большому боярину Борису Годунову...» Но для честолюбивыхъ замысловъ Бориса признанія его властнаго положенія внутри государства было недостаточно. Важно было, чтобы за нимъ было признано значеніе и въ сношеніяхъ съ иноземными правительствами.

И объ этомъ Борисъ позаботился черезъ преданныхъ ему людей. Уже въ 1586 г. черезъ англичанина Горсея Борисъ получилъ отъ англійской королевы грамоту, гдѣ онъ именовался «кровнымъ пріятелемъ» и «княземъ»; англичане, освѣдомленные тѣмъ же Горсеемъ о дѣлахъ русскаго государства, величали Бориса высшимъ правителемъ Московскаго царства.

Въ 1588—1589 г. царь вмѣстѣ съ боярами рѣшилъ, что Борисъ Годуновъ можетъ постоянно сноситься грамотами съ чужеземными

послами и помимо царя. Во время пріема иноземныхъ пословъ Борисъ занималъ особое близкое мѣсто къ царскому трону, а въ послѣдніе годы жизни Ѳедора при этомъ даже держалъ «царскаго чину яблоко золотое», что указывало на его «властодержавное правительство». Пріѣзжавшіе послы представлялись ему особо, такъ же, какъ и царю, и величали «пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ», «пресвѣтлымъ величествомъ».

III.

Смерть царевича Димитрія Ивановича въ Угличѣ.—Подозрѣнія противъ Бориса.—Слѣдствіе.—Расправа Бориса съ угличанами.

Все складывалось счастливо для плановъ Годунова. Одна еще серьезная помѣха могла встать ему на пути. Ѳедоръ былъ очень слабъ здоровьемъ и бездѣтенъ; самымъ вѣроятнымъ наслѣдникомъ престола послѣ его смерти явился бы его малолѣтній братъ, царевичъ Димитрій, жившій въ Угличѣ.

Правда, Димитрій родился отъ седьмого брака Ивана Грознаго съ Маріей Нагой; такой бракъ по уставамъ церкви признавался незаконнымъ. Но едва-ли народъ сталъ бы считаться съ этимъ. Въ его глазахъ Димитрій оста-

вался настоящимъ, прирожденнымъ потомкомъ царскаго дома и, конечно, его признали бы законнымъ наслѣдникомъ престола.

Но вотъ 17 мая 1591 года пришла въ Москву нежданная вѣсть о смерти царевича Димитрія въ Угличѣ. Въ народѣ сразу пошла молва, что царевичъ убитъ и не иначе, какъ по наущенію Бориса Годунова; эта смерть,—говорили,—ему нужна была, чтобы очистить себѣ путь къ царскому трону.

По лѣтописному сказанію, убійство произошло такъ: «Замыслили злые люди извести Димитрія. Въ заговорѣ противъ царевича состояла злая мамка его, Волохова, съ сыномъ своимъ, Волоховымъ, Качаловымъ и двумя Битяговскими. Утромъ 15 мая незамѣтно отъ царицы-матери, она вывела ребенка изъ хоромъ на нижнее крыльцо; тутъ же стояли убійцы. Волоховъ взялъ Димитрія за руку и сказалъ: «У тебя, государь, на шеѣ новое ожерелье».— «Нѣтъ, старое»!—отвѣтилъ ребенокъ и поднялъ головку, чтобы показать свое украшеніе. Въ эту минуту Волоховъ ударилъ царевича ножомъ въ шею, но только поранилъ его. Кормилица съ крикомъ кинулась къ мальчику; Битяговскій же и Качаловъ оттолкнули ее и дорѣзали Димитрія. Совершивъ злодѣяніе, убійцы скрылись».

Что произошло дальше, объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдствія; и вотъ какъ разсказы-

ваютъ объ этомъ кровавомъ дѣлѣ слѣдователи, посланные Борисомъ въ Угличъ.

«15 мая 1591 г. послѣ обѣдни, часу въ двѣнадцатомъ, зазвонили въ углицкой церкви. На звонъ первый прибѣжалъ вдовый попъ, по прозвищу Огурецъ. На встрѣчу ему бѣжитъ стряпчій кормоваго дворца и кричитъ: «Царевича не стало! Царица велѣла звонить»! Огурецъ принялся изо всей мочи звонить въ набатъ. Толпами народъ повалилъ въ углицкій кремль. Одни бѣжали съ рогатинами, другіе съ дубинами, третьи съ топорами, не зная еще, въ чемъ дѣло. Тутъ снова стали кричать: «Царевичъ убитъ»! — А въ это время на заднемъ дворѣ нянька Орина Жданова держала въ рукахъ мертваго ребенка; царица же въ неистовствѣ колотила полѣномъ мамку царевича. Царица и ея братья всенародно кричали, что царевича зарѣзали сынъ мамки Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Битяговскіе. Народъ сейчасъ же бросился ихъ разыскивать, чтобы расправиться съ ними. Самъ Михайло Битяговскій, услышавъ звонъ, прибѣжалъ къ дворцу. Но едва только онъ показался, какъ народъ кинулся на него. Онъ побѣжалъ; однако его скоро нагнали и убили. Потомъ провѣдали, что Качаловъ и Данило Битяговскій спрятались; разыскали и этихъ и тоже убили; потомъ перебили людей Волоховой.

Въ общей свалкѣ погибло много людей и совсѣмъ невинныхъ. Тѣло зарѣзаннаго царевича понесли въ церковь. Тутъ поймали Волохова, захватили жену и дѣтей Битяговскаго и потащили въ церковь.—«Вотъ убійца царевичевъ!»—закричала царица. Народъ убилъ Волохова, не давъ ему сказать ни одного слова въ оправданіе. Разсвирѣпѣвшая толпа хотѣла растерзать также жену и дѣтей Битяговскаго, но ихъ спасли духовные».

Между тѣмъ, при производствѣ слѣдствія многіе очевидцы смерти Димитрія въ одинъ голосъ говорили, что царевичъ, играя въ «тычку» (свайку) со сверстниками, зарѣзался самъ въ припадкѣ чернаго недуга (падучей). Что царевичъ страдалъ этой болѣзнью, подтверждалъ и родственникъ царицы, Андрей Нагой. Да и многіе другіе, въ томъ числѣ братья царицы, согласно показывали, что Димитрій самъ зарѣзался.

По окончаніи слѣдствія, документы его были переданы на обсужденіе патріарха и освященнаго собора. Соборъ разсудилъ, что Михаилъ и Григорій Нагіе и углицкіе посадскіе люди виновны въ измѣнѣ противъ царскаго величества: царевича-же постигла смерть Божіимъ судомъ, а они велѣли побить напрасно людей.

На основаніи соборнаго приговора, Борисъ жестоко наказалъ всѣхъ, кто утверждалъ,

будто царевичъ зарѣзанъ. Царицу Марію сослали въ монастырь и постригли; Нагихъ разослали по городамъ въ ссылку; многихъ угличанъ казнили—однимъ рубили головы, другимъ рѣзали языки, третьихъ топили въ рѣкѣ. Всѣхъ остальныхъ жителей Углича перевели въ Сибирь и заселили ими городъ Пелымъ. Даже колоколъ, въ который звонили, сослали въ Сибирь.

И все же, несмотря на это слѣдствіе и на крутую расправу, населеніе упорно обвиняло Бориса въ убіеніи царевича Димитрія. Въ недавнее время, нѣкоторые ученые русскіе изучили это дѣло внимательно, по стариннымъ рукописямъ, и сильно усомнились въ справедливости такого обвиненія; иные же рѣшительно утверждаютъ, что Борисъ въ смерти Димитрія неповиненъ.

Но какъ бы тамъ ни было—самъ зарѣзался Димитрій или его зарѣзали подкупленные убійцы,—одно можно сказать: послѣ устраненія наиболѣе опасныхъ соперниковъ изъ бояръ, эта смерть сильно облегчала Борису путь къ царскому престолу. И не мудрено, что онъ жадно внималъ предсказаніямъ русскихъ волхвовъ и иноземныхъ звѣздочетовъ, когда они говорили ему: «Ты въ царскую звѣзду родился и будешь царь Великой Россіи».

IV.

Мечты Бориса о царскомъ вѣнцѣ.—Смерть царя Өедора.—Отреченіе Ирины.—Прекращеніе царствующаго дома.—Междуцарствіе.—Взглядъ московскихъ людей на царя и государство.

Чѣмъ большихъ успѣховъ добивался Борисъ, тѣмъ дальше шелъ онъ въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ. Онъ мечталъ уже не только добыть себѣ царскій вѣнецъ, но и укрѣпить его за своимъ потомствомъ. Онъ самъ еще только «правилъ землю рукою великаго государя», но мало-по-малу начиналъ уже и своего маленькаго сына выдвигать впередъ въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ придворной жизни. Этимъ Борисъ старался какъ бы уже заранѣе пріучить сына къ мысли о его будущемъ высокомъ призваніи.

Такимъ образомъ планъ Бориса Годунова былъ ясенъ. Какъ умному и проницательному человѣку, ему было также ясно и то, что выполнить этотъ нелегкій планъ безъ борьбы не удастся. А борьба эта была не за горами.

Больной Өедоръ замѣтно угасалъ и, наконецъ, въ Крещенье въ 1598 г. скончался. Прямого наслѣдника послѣ себя онъ не оставилъ; о послѣдней волѣ покойнаго въ точности ни-

чего не было извѣстно. Близкіе къ царю люди —весь «царскій синклитъ»*) съ Борисомъ во главѣ, рѣшили признать наслѣдницей престола вдову Ѳедора, Ирину. Въ присутствіи патріарха принесли ей присягу.

Однако, послѣ погребенія супруга, Ирина объявила о своемъ непоколебимомъ намѣреніи постричься въ монахини. Она такъ и сдѣлала; удалилась въ Новодѣвичій монастырь и постриглась подъ именемъ Александры. Вмѣстѣ съ сестрою поселился въ монастырѣ и Борисъ Годуновъ.

Итакъ, со смертью бездѣтнаго Ѳедора Ивановича прекратился и царствующій домъ Рюриковичей. Въ Московскомъ государствѣ наступило время междуцарствія, московскій престолъ освободился и не оказывалось законнаго царя, чтобы, по праву рожденія, принять въ свои руки отцовское наслѣдство. Приходилось выбирать царя заново.

Непривычное и новое это было дѣло для московскихъ людей—избраніе царя; а при глубокихъ нестроеніяхъ и неурядицахъ въ государствѣ дѣло это было и опасное, грозило междоусобіями и замѣшательствами. Кого выбирать? На престолъ московскій могли притязать и Рюриковичи Шуйскіе, и Гедеминовичи Мстиславскіе, и, знатные своимъ родствомъ по

*) „Царскій синклитъ“—окружающіе, приближенные царя.

первой женѣ Ивана Грознаго, бояре Романовы, и, наконецъ, Борисъ Годуновъ. Борисъ, хотя и не столь знатный по происхожденію, однако болѣе искусный, умный и проницательный, чѣмъ всѣ остальные его соперники, заранѣе уже принималъ мѣры, чтобы расположить московскихъ людей въ свою пользу. Прежняя рознь и всегдашнее соперничество грозили подняться съ новой силой и вызвать большую смуту во всемъ государствѣ.

Пока были живы законные прирожденные государи, они сдерживали взаимную вражду и рознь лицъ и сословій. Въ глазахъ московскихъ людей того времени прирожденный, законный царь имѣлъ неограниченную власть надъ всѣми, и власть эта никѣмъ не оспаривалась. Царь былъ въ своемъ государствѣ такой же хозяинъ, какъ помѣщикъ въ своей вотчинѣ. Всѣ же другіе были только какъ бы временные обыватели въ государевой вотчинѣ. Худо становилось жить въ ней, никому въ народѣ и въ голову не приходило попробовать собственными силами улучшить свое тяжелое положеніе; надо было просто уходить и искать, гдѣ лучше. И «брели разно», какъ тогда говорили, русскіе люди отъ тяжкаго житья. И вотъ теперь государство-вотчина вдругъ оказалась безъ государя-хозяина. Обитателямъ его приходилось самимъ выбирать хозяина-царя; царя, который

въ теченіе многихъ поколѣній самъ, своей собственной властью садился на прародительскій престолъ. Это было дѣломъ для нихъ непривычнымъ; оно шло въ разрѣзъ съ давно установившимся порядкомъ; и не мудрено, если выборный царь долженъ былъ показаться простымъ людямъ царемъ сомнительнымъ, ненастоящимъ.

V.

Призваніе Бориса на царскій престолъ.—Отказъ Бориса.—Избирательный соборъ 1598 г.—Избраніе Бориса на царство.

Вдовствующая царица Ирина и братъ ея Борисъ Годуновъ удалились въ монастырь. До избранія царя рѣшено было передать правленіе въ руки патріарха и бояръ. На площади оповѣстили объ этомъ и призвали народъ къ присягѣ. Но народъ отвѣтилъ, что «знаетъ только царицу». Когда же объявили, что царица отказалась отъ престола, раздались крики:

— Да здравствуетъ Борисъ Ѳедоровичъ!

Очевидно, преданные Годунову люди успѣшно работали въ его пользу.

Повинуясь голосу народа, отправился патріархъ Іовъ, другъ и угодникъ Бориса, съ

многочисленной толпой въ Новодѣвичій монастырь и просилъ инокиню Александру благословить брата на царство. Но... хитрый Борисъ наотрѣзъ отказался отъ царскаго вѣнца.

Послѣ этого рѣшили ждать, пока пройдетъ сорокъ дней со смерти Ѳедора, а тѣмъ временемъ созвать соборъ для выбора царя. Борисъ и самъ потребовалъ созыва собора, чтобы всенароднымъ приговоромъ рѣшить, кому быть царемъ. Съѣхались на соборъ въ февралѣ 1598 г. Правда, его нельзя было назвать всенароднымъ, но болѣе полныхъ соборовъ и раньше не бывало; поэтому всѣ считали его законно и правильно составленнымъ.

При той поддержкѣ, какую Борисъ подготовилъ себѣ въ странѣ, онъ заранѣе могъ расчитывать на полный успѣхъ. Но Борису важно было именно соборное избраніе. Онъ желалъ показать, что не самохотѣніемъ, а по волѣ народа, всего государства россійскаго принялъ онъ скипетръ царскій. Этимъ онъ надѣялся зажать ротъ тѣмъ, кто имѣлъ больше его правъ на царскій вѣнецъ. Наконецъ, этимъ же онъ хотѣлъ помѣшать замысламъ бояръ ограничить его самодержавную власть; онъ думалъ, что простой народъ заставитъ выбрать его царемъ и безъ договора съ боярами.

17 февраля соборъ, по слову патріарха, единогласно избралъ Бориса Годунова царемъ.

Три дня служили молебны, народъ молилъ Бога о смягченіи сердца Бориса. Затѣмъ опять патріархъ во главѣ многочисленной толпы отправился въ монастырь. Опять упорствовалъ Борисъ и отказывался отъ престола. Только послѣ угрозы патріарха карой небесной, послѣ криковъ и мольбы народа уступилъ, наконецъ, Борисъ и съ благословенія сестры согласился возложить на себя царскій вѣнецъ.

Исполнилась мечта Бориса: онъ воцарился на престолѣ.

VI.

Борисъ-царь. Правленіе Бориса.

Борисъ-царь былъ прямымъ продолженіемъ Бориса-правителя. Какъ царь, онъ управлялъ и до соборнаго избранія и, по словамъ лѣтописца, «только имени царскаго нѣтъ, а та власть вся въ его рукахъ». Ко времени, когда онъ былъ только правителемъ, относятся и всѣ важнѣйшія его дѣла государственныя. Посмотримъ же, что сдѣлано было Борисомъ за время его управленія государствомъ.

Потрясенное жестокимъ правленіемъ Ивана Грознаго, Московское государство прежде всего нуждалось въ умиротвореніи. Надо было помочь обездоленному рабочему народу, поддержать

разоренный служилый людъ, поднять въ конецъ разстроенное земледѣльческое хозяйство и торговлю страны, избавить населеніе отъ лихоимства, поборовъ, непосильныхъ налоговъ и повинностей, опалъ и казней, утишить вражду, смягчить всеобщее недовольство.

Какъ человѣкъ проницательный и умный, Борисъ понялъ, что все это и должно было бы стать главнымъ предметомъ его правительственныхъ заботъ. Да и для личныхъ своихъ выгодъ дѣлами милосердія и благотворенія хотѣлъ онъ на первыхъ же порахъ привлечь къ себѣ сердца русскихъ людей.

Въ правительственной дѣятельности Бориса не только друзья, но и враги, не только русскіе, но и иностранные лѣтописцы того времени, а вслѣдъ за ними и нынѣшніе русскіе историки признаютъ крупныя заслуги. Очень многіе свидѣтельствуютъ о выдающихся его дарованіяхъ, какъ правителя, о высокихъ его умственныхъ и душевныхъ качествахъ, какъ человѣка: «Мужъ зѣло чуденъ,—говоритъ о Борисѣ одинъ изъ видныхъ лѣтописцевъ,—въ разсужденіи ума доволенъ и сладкорѣчивъ, весьма благовѣренъ и нищелюбивъ». «Царь же Борисъ,—говоритъ другой лѣтописецъ,—о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся, о бѣдныхъ и нищихъ промышляше и милость отъ него таковымъ великая бываше;

злыхъ же людей люте изгубляше, и таковыхъ ради строенiй всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть».

И, дѣйствительно, несмотря на рядъ суровыхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгалъ Борисъ, когда боролся за власть,

...онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Помогалъ бѣднымъ, къ просящимъ былъ щедръ и кротокъ; защищалъ вдовъ и сиротъ; строго преслѣдовалъ всякихъ обидчиковъ и, особенно, взяточниковъ и мздоимцевъ. Многихъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ выпустилъ на волю; прекратилъ на первое время казни; заботился объ искорененiи пороковъ, уличнаго пьянства...

Борисъ принималъ серьезныя мѣры для поощренiя промышленности и торговли. Чтобы поднять хозяйственное благополучiе страны, сильно упавшее въ царствованiе Грознаго, разрѣшилъ торговымъ людямъ безпошлинно торговать въ теченiе двухъ лѣтъ. Привлекалъ въ Москву разными льготами иностранныхъ мастеровъ и торговцевъ; улучшалъ пути сообщенiя. Для развитiя просвѣщенiя въ государствѣ онъ хотѣлъ пригласить въ Москву иностранныхъ ученыхъ, построить школы и университетъ. Но въ этомъ дѣлѣ Борисъ встрѣтилъ упорное противодѣйствiе со стороны духовенства; оно боялось, что иноземная наука пошатнетъ православiе и старо-

давніе обычаи на Руси. Тогда Борисъ сталъ посылать молодыхъ людей учиться за границу; но посланные въ иностранныя земли русскіе люди тамъ оставались и не хотѣли возвращаться обратно домой.

Въ заботахъ своихъ о нуждахъ разныхъ сословій государства Борисъ былъ неодинаковъ. Больше всего радѣлъ онъ о выгодахъ того сословія, на которое опирался въ своей борьбѣ съ боярами. Это было среднее служилое дворянство. Оно давало ему военныхъ людей. Говорятъ, что Борисъ хотѣлъ установить, чтобы крестьяне работали на помѣщиковъ не больше двухъ дней въ недѣлю. Но то, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ, клонилось только ко вреду народа. Ради выгодъ мелкаго и средняго служилаго сословія, Борисъ указами 1601 и 1602 г. ограничилъ свободу передвиженія крестьянъ. При Борисѣ же укоренился у крестьянъ обычай давать на себя кабалы, т. е. продаваться въ холопы помѣщику; при этомъ крестьянинъ попадалъ въ рабство не только самъ, но и его потомство. Это подготовляло полное закрѣпощеніе крестьянъ помѣщикамъ.

Во внѣшнихъ дѣлахъ, въ сношеніяхъ съ иноземными государствами, Борисъ Годуновъ дѣйствовалъ миролюбиво и очень осторожно. Онъ понималъ, что страна утомлена безконечными войнами Ивана Грознаго. Самъ онъ

не былъ склоненъ къ ратному дѣлу. Поэтому всякія затрудненія и несогласія съ иноземными правителями старался улаживать миромъ.

VII.

Внутреннее состояніе Московскаго государства въ XVI в.—Бояре, дворяне, крестьяне, горожане.

Мирно и спокойно протекали первые годы царствованія Бориса. Страна отдыхала. Эти годы казались временемъ благополучія и довольства. Но на самомъ дѣлѣ эти благополучіе и довольство были очень непрочны. Мѣры, принятыя Борисомъ, не коснулись бѣдствій которыя таились въ самой глубинѣ народной жизни и накоплялись десятками и сотнями лѣтъ. Онѣ могли принести лишь временное облегченіе, но не исцѣленіе отъ зла. Борисъ думалъ побороть зло и водворить въ государствѣ порядокъ и благополучіе собственными силами, безъ совѣта съ другими. Но для этого силъ одного человѣка, хотя бы у него были самыя лучшія намѣренія, слишкомъ недостаточно. Смута грозила государству...

Глубокое недовольство царило наканунѣ смуты во всемъ населеніи; несогласія и вражда уже издавна раздѣляли людей разныхъ сословій. Объединеніе русскихъ земель и ростъ Москов-

скаго государства требовали отъ всѣхъ сословій, и прежде всего отъ крестьянъ, огромныхъ жертвъ.

Оборона государства требовала большихъ средствъ на содержаніе военной силы. Между тѣмъ страна была бѣдна, населеніе — рѣдкое. Промышленность и торговля были слабо развиты. Все богатство состояло только въ обширныхъ пространствахъ земли, да въ трудѣ сидѣвшихъ на ней крестьянъ.

Для своихъ военныхъ надобностей московскіе государи и пользовались этимъ богатствомъ. Они принуждали однихъ нести военную службу и жаловали за нее помѣстьями; другихъ нести *тягло*, т. е. обязанность содержать своимъ земледѣльческимъ трудомъ военно-служилыхъ людей.

Въ половинѣ XVI в. на самомъ верху служилаго сословія стоялъ высшій слой боярства— «княжата». То были потомки бывшихъ удѣльныхъ князей; сами они или ихъ отцы еще недавно были независимыми властителями своихъ удѣловъ. Земли ихъ постепенно отошли подъ власть московскаго государя. Но лишившись своихъ владѣній, они не отказались отъ своихъ властныхъ притязаній. Московскому государю они подчинились, но все же хотѣли сохранить за собою право на управленіе государственными дѣлами, свои льготы и почести. Рядомъ съ ними

стояли немногія боярскія семьи, близкія къ царскому двору своимъ родствомъ. Эти княжата и знатные бояре являлись ближайшими совѣтниками государя, главными начальниками въ войскахъ и первыми сановниками въ государствѣ. Они же были и самыми богатыми людьми; владѣли собственными обширными вотчинами и жаловались царемъ за службу большими помѣстьями. Но въ теченіе XVI в. значеніе и власть боярства начали сильно падать. Московскіе государи все больше и больше принижали ихъ; смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ «лукавыхъ и прегордыхъ рабовъ», какъ на своихъ холоповъ. Царь Борисъ также не желалъ дѣлить съ боярами свою власть и устранилъ ихъ отъ вліянія въ дѣлахъ государства.

Трудно было помириться боярамъ съ такимъ униженіемъ. Прежде они могли уходить со службы у неугоднаго имъ князя; отъ Москвы же имъ некуда было отъѣхать; да и самое право отъѣзда исчезло. И стали они, какъ крестьяне, «помѣстью владѣльца, крѣпки двору своего государя». Крестьяне своей дворовой службой помѣщику становились его холопами, и знатные бояре по службѣ своей московскому двору превратились въ государевыхъ холоповъ. Сами себя униженно называли холопами, да и государи московскіе нерѣдко именовали ихъ также. Уже одно это унизительное положеніе вызывало

недовольство среди бояръ. Но кромѣ того, недовольны они были и тѣмъ подрывомъ хозяйству, какой причиняла военная повинность.

Военная служба требовала отъ бояръ большихъ денегъ на вооруженіе. Между тѣмъ при тогдашнемъ состояніи хозяйства бояре могли получать отъ своихъ помѣстій только то, что родила земля. Чтобы добыть денегъ, надо было обращаться къ займамъ подъ залогъ своихъ имѣній. Самыми богатыми заимодавцами издавна были монастыри. Благочестивыми приношеніями скопились въ нихъ большіе капиталы. Въ монастыри бояре и обращались за деньгами. Монастыри охотно давали деньги боярамъ и за долги забирали ихъ помѣстья съ крестьянами. Съ завистью и злобою смотрѣли служилые люди, какъ обогащались на ихъ счетъ монастыри. Да вообще, и безъ того крупные нелады были между боярами и духовенствомъ. Высшее духовенство всегда стояло противъ бояръ на сторонѣ самодержавныхъ царей; оно всегда внушало царямъ не поступаться властью своей ради бояръ и строго пресѣкать боярскія притязанія.

Враждовали между собою духовенство и боярство; а съ обоими этими высшими сословіями враждовало среднее и мелкое служилое дворянство. Съ крупными боярами мелкопомѣстные дворяне боролись изъ-за крестьянъ. Отъ недостатка рабочихъ крестьянскихъ рукъ стра-

дали и бояре, и дворяне. Бояре еще справлялись съ уходомъ крестьянъ, что бѣжали изъ помѣстій отъ всякихъ тяготъ и притѣсненій: они сманивали и свозили къ себѣ крестьянъ изъ помѣстій мелкихъ владѣльцевъ. Для своза крестьянъ они подсылали даже особыхъ людей— «отказчиковъ». Отказчики всякими обольщеніями подговаривали крестьянъ отойти съ насиженнаго мѣста къ ихъ хозяину. Мелкіе владѣльцы оборонялись отъ захватовъ ихъ рабочихъ. Изъ-за этого происходили часто столкновенія, бои, насилія... Къ началу XVII вѣка эта борьба приняла такіе опасные размѣры, а насильственный своз крестьянъ создавалъ такую путаницу, что Борисъ Годуновъ издалъ особые указы, о которыхъ мы упомянули выше, (стр. 20).

Если боярамъ не легко жилось подъ новою властью московскихъ государей; если мелкопомѣстнымъ дворянамъ приходилось, кромѣ того, терпѣть и отъ притѣсненій со стороны бояръ, то каково же было житье крестьянъ и городскихъ, посадскихъ рабочихъ людей въ описываемое нами время!

Бѣжали крестьяне съ господскихъ земель искать себѣ счастья на новыхъ мѣстахъ. Отъ ухода крестьянъ пустѣли старыя помѣстья. Чтобы удержать крестьянъ на своихъ земляхъ, владѣльцы прибѣгали даже къ насильственнымъ

мѣрамъ; пытавшихся уйти крестьянъ заковывали въ желѣзо.

Кромѣ того, у землевладѣльцевъ было средство обращать крестьянъ прямо въ своихъ рабовъ. Рабство, подъ названіемъ холопства, съ давнихъ поръ существовало на Руси. Во времена же московскаго государства появились особые «кабальные холопы». Назывались они кабальными потому, что давали на себя «служилую кабалу», т. е. заемную росписку на занятыя деньги и вмѣсто уплаты процентовъ по займу, отработывали эти проценты владѣльцу своимъ трудомъ. Обыкновенно на крестьянъ столько насчитывали процентовъ, что они отработать не могли, попадали въ неоплатный долгъ и становились холопами своего господина. Это-то рабство-холопство было широко распространено въ московской Руси въ царствованіе Бориса Годунова (см. стр. 20).

Такъ гибло крестьянское хозяйство. Государевы земли, которыми раньше владѣли крестьяне, перешли въ руки служилыхъ людей. Прежній независимый крестьянинъ-хозяинъ попадалъ почти въ полную крѣпостную зависимость отъ землевладѣльца; служилый землевладѣлецъ отягощалъ крестьянъ сборами и повинностями и собиралъ съ нихъ также государевы подати.

То же самое происходило въ городахъ и

посадахъ. Служилые люди лишали горожанъ усадебъ, огородовъ и промысловъ.

Ожидая защиты отъ государя, посадскіе и крестьяне жаловались въ своихъ челобитныхъ царю, что «они разорены до конца», «скитаются между дворъ», «помираютъ голодною смертью» и т. д.

Въ концѣ концовъ, бѣжали отъ разоренія горожане и посадскіе; бѣжали крестьяне. Бѣжали на просторъ обширныхъ южныхъ степей. Здѣсь искали себѣ пріюта всякаго рода бѣглые люди, недовольные своимъ положеніемъ.

Но и на новыхъ мѣстахъ крестьяне скоро очутились въ томъ же положеніи, отъ котораго думали спастись бѣгствомъ. Московское правительство и на югѣ не меньше нуждалось въ оборонѣ государства, и здѣсь оно стало прибирать въ свои руки земли, а пришлыхъ людей превращало въ военно-служилыхъ или же въ крестьянъ помѣстныхъ земель. Такимъ образомъ и здѣсь—еще не успѣли бѣжавшіе устроиться съ собственнымъ хозяйствомъ, какъ снова попадали въ ту же неволю со всѣми тяготами военной службы и тяглой работы на государевой пашнѣ.

Бѣжали тогда крестьяне еще дальше, за рубежи, наполняли собою казачьи городки и ряды недовольныхъ; тамъ искали они спасенія не только отъ землевладѣльцевъ, намѣстниковъ

слугъ государевыхъ, но и отъ самого государства, разорявшаго ихъ службой, повинностями и подневольной работой.

VIII.

Голодъ 1601 и 1602 годовъ. Настроеніе народа. Слухъ о царевичѣ Димитріи.

Глубоко потрясена была хозяйственная жизнь страны; широко разлилось въ народѣ недовольство новыми хозяйственными и государственными порядками. Мѣры, принятыя Борисомъ, не могли ввести прочнаго успокоенія.

Первые годы царствованія Бориса Годунова были лишь временнымъ отдыхомъ послѣ жестокаго царствованія Ивана Грознаго. Ни свободы, ни хозяйственной жизни народа Борисъ своими мѣрами не укрѣпилъ.

Достаточно было поэтому какого-нибудь, хотя бы временнаго бѣдствія, чтобы обнаружилось полное безсиліе правительства справиться съ народной бѣдой. Такое бѣдствіе какъ разъ разразилось! Страшный голодъ постигъ московское государство въ 1601 и 1602 годы.

Много бѣдъ и несчастій выпало на долю народа въ эти ужасные голодные годы. Царь Борисъ въ помощь голодающимъ велѣлъ отворить свои житницы, продавать изъ нихъ хлѣбъ

по дешевой цѣнѣ, а очень бѣднымъ раздавать деньги въ видѣ милостыни. Но нуждающихся было слишкомъ много, милостыней всѣхъ было не прокормить, хлѣбъ-же все дорожалъ. Къ тому же чиновники, которымъ была поручена забота о голодныхъ, не измѣнили своихъ корыстныхъ привычекъ. Всѣ они, по словамъ лѣтописца, были ворами; несчастіемъ народа они пользовались, чтобы еще туже набить свои карманы. Деньги, назначенныя для голодныхъ, они раздавали своимъ роднымъ и пріятелямъ; пріятели ихъ одѣвались въ рубище и подъ видомъ нищихъ получали отъ чиновниковъ милостыню; а потомъ съ ними же дѣлились барышами. Истино-же нуждающихся часто гнали палками, и голодные люди вынуждены были питаться соломой, собаками, кошками, мышами и всякой падалью. Десятками умиралъ народъ на улицахъ. Мертвецовъ подбирали и свозили въ общую яму за городомъ. Случалось, вмѣстѣ съ мертвыми подбирали и живыхъ, истощенныхъ голодомъ; ихъ сваливали въ одну кучу съ мертвецами и везли за городъ. Несчастные стонали, молили о пощадѣ, но возницы не обращали на нихъ вниманія,—не сегодня, такъ завтра, все равно придется подбирать и хоронить,—и безъ всякаго разбора вмѣстѣ съ мертвыми валили въ общую могилу живыхъ людей и зарывали землею.

Раздача милостыни продолжалась только одинъ мѣсяцъ. Голодные, прослышавъ о щедрости Бориса, огромными толпами двигались къ Москвѣ за подаяніемъ. Вѣсть о прекращеніи милостыни застала ихъ въ дорогѣ. Истощенные, измученные, лишенные всякихъ средствъ, одни гибли по дорогамъ, другіе какъ волки набрасывались на трупы погибшихъ, съ ожесточеніемъ отбивали ихъ другъ у друга и пожирали. Голодъ доводилъ людей до сумасшествія, до одичанія: мать вырывала кусокъ у своего голоднаго ребенка; мужъ загрызалъ и съѣдалъ свою жену. Говорили, будто человѣчье мясо продавалось на базарахъ. Дорожному человѣку опасно было заѣхать на постоялый дворъ. Одинъ иностранецъ разсказывалъ, какъ четыре женщины заманили къ себѣ крестьянина, пріѣхавшаго съ дровами, зарѣзали его, трупъ спрятали про запасъ въ погребъ. Хотѣли сначала съѣсть его лошадь. Злодѣяніе это было раскрыто; оказалось, что эти обезумѣвшія отъ голода женщины поступали такимъ образомъ съ четвертымъ человѣкомъ.

Отъ голода вымирали сплошь цѣлыя селенія. Въ одной Москвѣ погибло 127.000 душъ. А торговцы пользовались, чтобы нажиться на народной бѣдѣ. Они прятали и скопляли огромные запасы хлѣба; выжидали, чтобъ хлѣбъ поднялся еще выше въ цѣнѣ. Такъ поступать

не гнушались даже именитые люди (Строгановы), архимандриты и игумены монастырей.

Въ эти голодные годы многіе землевладѣльцы и монастыри прогоняли отъ себя своихъ дворовыхъ и холоповъ, чтобы не кормить лишнихъ ртовъ. И эти лишенные крова и хлѣба бездомные скитальцы тоже бѣжали на южныя окраины и приносили съ собою туда новый запасъ злобы и недовольства. По словамъ лѣтописца, въ эти годы бѣжало болѣе 20.000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе.

Страшныя бѣдствія разбередили старыя язвы народныя; подняли со дна души народной чувства недовольства, которыя на время только притихли послѣ царствованія Ивана Грознаго. При такомъ настроеніи, въ годины великихъ народныхъ бѣдъ какой-нибудь необыкновенный слухъ получаетъ въ глазахъ измученнаго народа особый смыслъ; слухъ жадно подхватываютъ, по своему истолковываютъ, связываютъ съ нимъ свои чаянія и надежды. И вотъ разнесся слухъ, что царевичъ Димитрій живъ. Понятно, въ такое тяжелое вермя молва о Димитріи, о томъ, что онъ живъ, готовится возвратить себѣ прародительскій престолъ, особенно сильно подѣйствовалъ на народъ. Являлась надежда на перемѣну, на перемѣну къ лучшему; вѣдь, не могло быть хуже того, что уже было. Изстрадавшемуся народу царствованіе Бориса начинало казаться

карой божьей; самый царь уже считался не настоящимъ, незаконнымъ; потому и потомки его были бы царями незаконными. Слухъ о Димитріи, о прирожденномъ царѣ, нашелъ живой откликъ въ душѣ народной.

IX.

Откуда пошелъ слухъ о Лжедимитріи.—Бояре и царь Борисъ. — Бояре Романовы и ихъ судьба. — Сыскъ и доносы. — Первыя вѣсти о появленіи Лжедимитрія.

Кто пустилъ молву въ народъ о ложномъ Димитріи? Откуда явился этотъ слухъ? На этотъ вопросъ почти всѣ историки согласно отвѣчаютъ: ложнаго Димитрія, Димитрія Самозванца, выдвинуло боярство, враждебное Борису. Бояре воспользовались именемъ Димитрія, какъ самымъ удобнымъ и подходящимъ орудіемъ, чтобы избавиться отъ ненавистнаго имъ „царя-Бориса“. Открыто тягаться съ нимъ имъ было не подъ силу. Слухами же о Лжедимитріи они хотѣли вызвать смуту въ народѣ и ею довести Бориса до гибели. Они расчитывали, что народъ, чаявшій выхода изъ своего обездоленнаго положенія, съ жадностью ухватиться за Самозванца. Надо было только, чтобъ онъ выступилъ подъ правдоподобной личиной прирожденнаго

царя. И бояре не ошиблись въ своихъ расчетахъ.

Изстрадавшійся и недовольный народъ сразу принялъ сторону измышленнаго боярами Лжедмитрія. Всѣ же бѣды и несчастья готовъ былъ приписать Борису. Въ чемъ только не винили его—и въ намѣреніи убить Димитрія, и въ отравленіи покойнаго царя Ѳедора, и даже въ смерти вдовы-царицы Ирины и давно умершей малютки ея Ѳеодосіи.

Все это съ горечью замѣчалъ Борисъ и жаловался на неблагодарность народа.

.....Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,—
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
. . . .
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ, я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
. . . .
Кто ни умретъ,—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную... все я!

И самого Бориса роковая молва преобразила. Прежній спокойный и осторожный правитель превратился въ недовѣрчиваго, мрачнаго и жестокаго труса; онъ боялся не только за цѣлость царскаго вѣнца, но и за самую жизнь свою и своей семьи. Однако онъ не думалъ уступать безъ борьбы власть, которую добылъ цѣною такихъ трудовъ и усилій. Онъ сталъ розыскивать виновниковъ опаснаго для него слуха и прежде всего обрушился на своихъ вѣчныхъ враговъ—знатныхъ бояръ.

Борисъ догадывался, кто ведетъ противъ него подкопъ. Онъ понималъ, что боярская знать имѣла много причинъ къ недовольству и не прочь была бы погубить его. И въ самомъ дѣлѣ, уже при избраніи царя боярамъ, этимъ «чиноначальникамъ земли русской», горько было думать, что Борисъ—

Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха.

А Борисъ, съ своей стороны, много сдѣлалъ для того, чтобы они и потомъ не могли свыкнуться съ этой обидой; Борисъ на престолѣ правилъ, какъ царь самодержавный, безъ всякаго совѣта съ ними. По примѣру Грознаго, онъ жаловалъ людей «худородныхъ», своихъ родственниковъ, а ихъ, «великородныхъ», держалъ въ тѣни и приниженіи.

Зналъ Борисъ о недовольствѣ боярской знати и вотъ почему при первомъ же слухѣ о Самозванцѣ началъ расправу съ «великородными» боярами.

Самыми опасными противниками своими Борисъ считалъ бояръ Романовыхъ. Романовы принадлежали къ старинному московскому роду. Родство ихъ съ московскимъ царствующимъ домомъ было болѣе давнее, чѣмъ родство Бориса. Изъ ихъ рода была первая жена Ивана Грознаго Анастасія Романовна. Это близкое родство, привлекательныя качества отдѣльныхъ членовъ семьи Романовыхъ снискали имъ извѣстность и расположеніе среди московскаго народа. Особенно славился среди Романовыхъ умный, веселый щеголь-красавецъ Ѳеодоръ Никитичъ. Говорили, что царь Ѳедоръ передъ смертью указывалъ на него, какъ на своего преемника; что только козни Бориса помѣшали воцаренію Никитича.

За братьями Романовыми давно уже былъ учрежденъ полицейскій надзоръ; Борисъ слушалъ всякіе доносы на нихъ, по этимъ доносамъ людей хватали, бросали въ тюрьму и пытали. Наконецъ, одинъ изъ доносчиковъ сообщилъ, что Александръ Никитичъ Романовъ хранитъ у себя «коренье» (отраву). Это коренье, подложенное самимъ же доносчикомъ, нашли при обыскѣ. Романовыхъ, а вмѣстѣ съ

ними и родню ихъ [1]) арестовали, допрашивали и подвергали пыткѣ; пытали также и ихъ холоповъ.

Въ 1601 г. всѣ пять братьевъ Романовыхъ вмѣстѣ съ семьями и родными были отправлены въ ссылку. Трое изъ нихъ тамъ умерли: Александръ удавленъ, Михаилъ уморенъ голодомъ, Василій умеръ въ тюрьмѣ, прикованный къ стѣнѣ. Пережили Бориса двое—Ѳедоръ, постриженный въ монахи подъ именемъ Филарета, и Иванъ. Первый изъ нихъ впослѣдствіи былъ патріархомъ, а сынъ его, Михаилъ Ѳедоровичъ, воцарился на русскомъ престолѣ.

До расправы съ Романовыми успѣлъ Борисъ расправиться съ менѣе опаснымъ противникомъ—съ Богданомъ Бѣльскимъ. Борисъ велѣлъ ему вырвать бороду, подвергнуть тѣлесному наказанію и сослать въ низовые города, въ тюрьму.

Тяжелое время переживали бояре. Очень ярко и правдиво изображена эта лихая для нихъ година въ разговорѣ между боярами Пушкинымъ и Шуйскимъ въ трагедіи «Борисъ Годуновъ».

---

[1]) Черкасскихъ, Сицкихъ, Репниныхъ, Шестунова, Карповыхъ, Шереметевыхъ. Но, кромѣ обвиненія въ храненіи „коренья“ существовали улики еще въ томъ, что Самозванецъ, Григорій Отрепьевъ, жилъ во дворцѣ у Романовыхъ и Черкасскихъ. Такъ какъ имя Самозванца строго запрещено было даже произносить,—то дѣло было покрыто обвиненіемъ въ храненіи коренья.

Пушкинъ.

. . . .

....Онъ (Борисъ) правитъ нами
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Увѣрены-ль мы въ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?—
Заточены, замучены въ изгнаньи.
Дай срокъ тебѣ-жъ такая будетъ участь.
Легко-ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами—
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.

. . . .

Но не одни бояре страдали отъ подозрительности и сыска царя Бориса Годунова. Стонъ стоялъ по всей землѣ русской. Точно опять вернулись времена Грознаго съ его опричниной. Борисъ и его правительство старались вывѣдать тайну, гдѣ скрывается Димитрій, и напасть на его слѣдъ. Страну наводнили сыщиками и доносчиками; сыщики шныряли по всѣмъ московскимъ улицамъ, слѣдили за каждымъ словомъ, каждымъ шагомъ обывателей; доносили другъ на друга люди всѣхъ званій; каждое невзначай сказанное слово сейчасъ доходило до ушей Бориса.

Подъ страхомъ ареста и пытокъ опасно было вымолвить имя Димитрія.

Сыщики старались получить награды и усердствовали. Застѣнки переполнялись арестованными. «И настала,—по словамъ лѣтописца,—у Бориса въ царствѣ великая смута: доносили попы, и дьяконы, и черцы, и черницы и проскурницы, жены на мужьевъ, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей доносили». Несмотря на всѣ усилія сыщиковъ, они не находили слѣдовъ Самозванца.

Легко было справиться Борису съ отдѣльными лицами, но не могъ онъ справиться съ народной молвой. Несмотря на всѣ жестокости, молвэ о Димитріи въ народѣ ширилась и росла.

Прошелъ слухъ, что тайные враги Бориса провезли царевича Димитрія въ Польшу. Тогда царь отдаетъ приказъ,—

Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова...

И по этому приказу царя, на границахъ, откуда можно было ждать появленія Самозванца, поставлены были караулы. Много стѣсненій терпѣлъ отъ этого народъ; изъ города въ городъ нельзя было проѣхать; людей хватали и задерживали; много невинныхъ было переловлено и замучено.

Но ничто уже не могло предотвратить надвигавшейся грозы.

Въ январѣ 1604 г. въ Ивангородѣ было перехвачено письмо изъ Нарвы. Въ немъ говорилось, что сынъ царя Ивана Васильевича, Димитрій, находится теперь у казаковъ, и скоро Московію постигнетъ большое волненіе.

Купцы передавали, что казаки поднялись по Волгѣ и разбойничаютъ большими шайками. Наконецъ, и сами казаки прислали извѣстіе московскому царю: «Вотъ мы, казаки, скоро придемъ въ Москву съ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ!»

X.

Кто былъ Лжедимитрій.—Юношескіе годы.—Его служба у кн. Вишневицкаго.—Въ гостяхъ у Юрія Мнишка.—Свиданіе съ королемъ Сигизмундомъ. — Переходъ въ католичество. — Помолвка съ Мариной.

Кто же былъ этотъ человѣкъ, присвоившій себѣ имя царевича Димитрія Ивановича, сына Грознаго? Въ точности это и до сихъ поръ неизвѣстно. Въ настоящее время признано однако, русскими и польскими историками что подъ именемъ Димитрія Ивановича скрывался чело-

вѣкъ московскаго происхожденія, сынъ боярскій Юрій Богдановъ Отрепьевъ. Не самъ назвалъ онъ себя царевичемъ, а московскіе бояре внушили ему вѣру въ его царственное происхожденіе. Онъ только проникся этой вѣрой, какъ проникся ею впослѣдствіи и весь московскій народъ.

Съ юныхъ лѣтъ названный Димитрій велъ скитальческую жизнь. Четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ въ 1595 г. онъ былъ постриженъ въ монахи. Нѣсколько разъ переходилъ изъ одного монастыря въ другой и попалъ, наконецъ, въ Чудовъ монастырь. Здѣсь оставался онъ болѣе года и потомъ перешелъ на службу къ патріарху Іову. Въ это время онъ началъ интересоваться судьбою царевича Димитрія и своими частыми разспросами навлекъ на себя подозрѣніе. Его хотѣли схватить, но онъ бѣжалъ за московскій рубежъ и спасся въ Польшѣ отъ грозившей ему опасности.

Въ 1601 г. названный Димитрій оказывается въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ; потомъ года черезъ $1\frac{1}{2}$ поступаетъ въ услуженіе къ князю Адаму Вишневецкому. Князь полюбилъ его. Въ его внѣшности ничто не выдавало его царственнаго происхожденія. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 20-ти, худощавый, небольшого роста, съ русыми волосами; лицо у него было кругловатое, некрасивое, съ большимъ пло-

скимъ носомъ съ бородавкою. Но въ глазахъ его свѣтились отвага и умъ; говорилъ складно, съ воодушевленіемъ, голосъ имѣлъ пріятный.

Адаму Вишневецкому названный Димитрій въ первый разъ и открылъ свою великую тайну. Какъ открылся онъ—на этотъ счетъ существуютъ разныя извѣстія.

По одному такому извѣстію, отправился однажды князь съ своимъ молодымъ слугою Димитріемъ въ баню. Чѣмъ-то не угодилъ ему слуга. Князь обругалъ его и ударилъ. Слуга горько заплакалъ и сказалъ:

— Если бы ты, князь Адамъ, зналъ, кто я таковъ, ты бы не ругалъ и не билъ меня.

— Кто же ты?—спросилъ князь.

— Я царевичъ Димитрій.—И въ доказательство правдивости своихъ словъ показалъ золотой крестъ, усыпанный драгоцѣнными каменьями, данный—царевичу Димитрію при крещеніи.

Упавъ къ ногамъ князя, слуга продолжалъ:

— Князь Адамъ, дѣлай со мною, что хочешь. Я не хочу болѣе жить въ такомъ униженіи; если же ты мнѣ поможешь, возблагодарится тебѣ достойно.

Поразился этой вѣстью князь, поспѣшилъ разсказать женѣ, что въ домѣ ихъ живетъ московскій государь. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ оказывать Димитрію высокія почести.

Вишневецкіе пользовались большимъ вліяніемъ въ южно-русскомъ краѣ. Многіе изъ польской шляхты сходились въ домъ князя взглянуть на чудесно-спасеннаго царевича. Своими разсказами онъ будилъ у всѣхъ состраданіе къ своей судьбѣ.

— Я долженъ былъ скрываться подъ вымышленными именами, говорилъ онъ.—Я зналъ, какого я происхожденія, и когда пришелъ въ возрастъ, тяжело мнѣ стало въ Московской землѣ, и я ушелъ къ вамъ, и теперь принялъ твердое намѣреніе возвратить отеческое достояніе. Многіе московскіе бояре желаютъ этого, многіе знаютъ, что я живъ, ожидаютъ меня, ненавидятъ тирана и готовы признать меня законнымъ государемъ.

Проживая у Вишневецкихъ, Димитрій завязалъ сношенія, съ казаками и сталъ подстрекать ихъ противъ царя Бориса.

Вскорѣ слухи о спасенномъ Димитріи дошли до польскаго короля Сигизмунда. Король пожелалъ видѣть его въ своей столицѣ — въ Краковѣ.

Князь Адамъ направилъ своего бывшаго слугу къ Константину Вишневецкому. Константинъ Вишневецкій отправлялся въ Краковъ, но по пути завезъ Димитрія въ г. Самборъ къ своему тестю, сандомирскому воеводѣ, Юрію Мнишку. Тщеславный, жадный къ день-

гамъ воевода очень обрадовался такому высокому гостю. Онъ принялъ Димитрія съ большимъ почетомъ, задавалъ въ честь его шумные пиры. Честолюбивый и алчный Мнишекъ разсудилъ, что сближеніе съ будущимъ московскимъ царемъ сулитъ ему огромныя выгоды и богатство. Въ головѣ его созрѣла мысль соединить Димитрія брачными узами съ своей красавицей дочерью Мариной. Добиться этого было не трудно. Новая обстановка въ домѣ воеводы опьяняла молодого скитальца; завороженный чарами Марины, онъ горячо влюбился въ нее и тутъ же написалъ грамоту, по которой жаловалъ сандомирскому воеводѣ княжества Смоленское и Сѣверское. Наконецъ, послѣ веселыхъ пировъ въ домѣ Мнишка, Димитрій выѣхалъ въ Краковъ и прибылъ туда въ мартѣ 1604 г. Съ нимъ ѣхали Вишневецкій и Мнишекъ.

Польскій король Сигизмундъ рѣшилъ принять участіе въ будущей судьбѣ Димитрія, но дѣлалъ это не безкорыстно. Онъ полагалъ, что его покровительство и помощь Димитрію принесутъ въ будущемъ большія выгоды его странѣ и католической религіи, которой онъ былъ горячо преданъ.

Давно уже католики простирали свои виды на «Московію» и не разъ дѣлали попытки присоединить православную церковь къ рим-

ско-католической. Но всѣ эти попытки кончались неудачей. Въ появленіи Димитрія римско-католическая церковь увидѣла новый случай добиться своей завѣтной цѣли. Католическіе священники вошли въ тѣсныя сношенія съ будущимъ московскимъ царемъ. Монахи-іезуиты, старались завлечь его въ свои сѣти, говорили ему о преимуществахъ католической вѣры, плѣняли великолѣпіемъ римскаго богослуженія и убѣдили написать письмо представителю (нунцію) римскаго папы въ Краковѣ, Рангони.

По прибытіи въ Краковъ, Мнишекъ устроилъ званный обѣдъ. Среди приглашенныхъ знатныхъ особъ находился и папскій посолъ Рангони. Онъ прямо заявилъ Димитрію, что король и польскій народъ будутъ ему помогать только въ томъ случаѣ, если онъ согласится на переходъ въ римско-католическую вѣру.

Димитрій желалъ заручиться могущественной поддержкой и согласился на эти условія. Черезъ Рангони онъ получилъ доступъ къ королю Сигизмунду.

Представъ передъ королемъ, Димитрій почтительно поцѣловалъ у него руку и униженно молилъ о помощи. Съ своей стороны онъ обѣщалъ уступить Польшѣ половину земли Смоленской, разрѣшить селиться монахамъ-іезуитамъ въ Москвѣ, строить католическіе храмы.

Однако Сигизмундъ, не отказывая Димитрію въ покровительствѣ, не рѣшился открыто поддерживать его. Многіе польскіе государственные дѣятели не хотѣли втягивать свою страну въ московскую смуту. Поэтому король назначилъ Димитрію только денежное пособіе, да не препятствовалъ своимъ вельможамъ собирать военную силу противъ Бориса.

Димитрій, тѣмъ временемъ, внимательно слушалъ католическихъ монаховъ, велъ бесѣды съ ними, усердно посѣщалъ римско-католическія церкви. Наконецъ 17 апрѣля 1604 г., въ Страстную субботу Димитрій отрекся отъ православія и перешелъ въ лоно римско-католической церкви. Вскорѣ, при содѣйствіи Рангони, Димитрій получилъ прощальное свиданіе съ королемъ, который напутствовалъ его и называлъ московскимъ княземъ. Папскому послу Димитрій обѣщалъ послѣ воцаренія на московскомъ престолѣ возсоединить свой народъ съ католичествомъ.

25 апрѣля Димитрій, вмѣстѣ съ Вишневецкимъ и Мнишкомъ, возвратился въ Самборъ. Здѣсь, пока набирали военныхъ охотниковъ для похода противъ Бориса, Димитрій снова поселился у сандомирскаго воеводы. Бракъ его съ Мариной былъ окончательно рѣшенъ. Нареченный зять подписалъ договоръ съ Мнишкомъ и обязался дать своей невѣстѣ въ при-

даное Псковъ и Великій Новгородъ и разрѣшить ей строить католическіе монастыри, костелы и школы. Воеводѣ обѣщалъ милліонъ польскихъ злотыхъ, села, города и земли...

XI.

Начало похода Лжедимитрія.—Его успѣхи.—Пораженіе его и новые успѣхи.

Димитрія признали царевичемъ и онъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе: разослалъ набирать войска, а черезъ вѣрныхъ людей возбуждалъ пограничное населеніе къ возстанію противъ Бориса. Его грамоты тайно распространялись въ Московскомъ государствѣ. Къ нему съѣхались изъ разныхъ городовъ до 200 московскихъ людей. Обѣщали свою помощь казаки, и часть ихъ, тысячи двѣ, встрѣтила его потомъ на правомъ берегу Днѣпра. Къ московскимъ выходцамъ и казакамъ присоединилось болѣе тысячи шляхетской конницы; а позже въ лагерь его пришелъ отрядъ запорожскихъ казаковъ. Въ общемъ, въ началѣ похода у Димитрія было около 4.000 человѣкъ.

Едва-ли съ такою незначительною ратью могъ расчитывать Димитрій добиться своей цѣли. Но Димитрій былъ силенъ, какъ говоритъ въ драмѣ Пушкина одинъ изъ его приверженцевъ,—

Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помогой
А мнѣніемъ,—да, мнѣніемъ народнымъ.

А мнѣніе народа, особенно въ послѣдніе годы царствованія Бориса, послѣ голодовокъ и преслѣдованій, было враждебно господствовавшему на Руси порядку. Особенно много недовольныхъ скопилось въ Сѣверской (нынѣ Черниговской) и Польской (пристепной) украйнахъ. Сюда населеніе бѣжало изъ серединныхъ областей Московскаго государства въ надеждѣ найти просторъ и приволье. Но и здѣсь настигали прежнія бѣды, и здѣсь бѣжавшихъ правительство верстало въ службу и отягощало работой на государевой пашнѣ (стр. 27—28).

Черезъ Сѣверскую Украйну, черезъ страну недовольныхъ и пошелъ Димитрій походомъ на Москву. Онъ расчитывалъ увлечь за собою населеніе городовъ, что стояли на этомъ пути.

Такъ это и случилось.

Еще не доходя до московскаго рубежа, Димитрій получилъ извѣстіе, что черниговскій пригородъ Моравскъ сдался ему безъ боя. Жители представили Дмитрію связанныхъ воеводъ; онъ приказалъ освободить ихъ и всѣхъ обворожилъ своимъ ласковымъ обращеніемъ. Черезъ недѣлю послѣ этого добровольно сдался Черниговъ. Далѣе по пути къ Новгороду-Сѣверскому приносили покорность Димитрію жители селъ

и деревень и съ умиленіемъ встрѣчали своего законнаго, чудесно спасеннаго царя.

11-го ноября 1604 г. ополченіе Димитрія остановилось подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Городъ защищало войско Бориса подъ командой храбраго Петра Басманова; онъ оказалъ упорное сопротивленіе непріятелю. Но пока Димитрій стоялъ здѣсь безъ всякаго успѣха, до него доходили вѣсти о добровольной сдачѣ ему цѣлаго ряда другихъ городовъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась и военная рать Димитрія; у него уже была армія болѣе чѣмъ въ 15.000 чел. Выслалъ Борисъ противъ Димитрія еще войско подъ начальствомъ бездарнаго князя Мстиславскаго. Димитрій разбилъ его. Но послѣ этой побѣды въ войскахъ самого Димитрія возникли разногласія. Значительная часть поляковъ, составлявшихъ его лучшія силы, была недовольна задержкой жалованья и ушла. Это заставило Димитрія снять осаду съ Новгорода-Сѣверска и отойти къ Сѣвску. Войска Бориса погнались за нимъ, и 21 января 1605 г. произошелъ при Добрыничахъ рѣшительный бой. Димитрій былъ разбитъ на голову, чуть было не попалъ въ плѣнъ и съ остатками своихъ войскъ бѣжалъ въ Путивль.

Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться успѣхами своей побѣды, воеводы Бориса предались

[1]) Рыльска, Сѣвска, Курска, Кромъ, Бѣлгорода и др.

мести. Они разослали по окрестнымъ мѣстамъ свои отряды, чтобы разорять жителей за вѣрность ихъ Димитрію. При этомъ совершались страшныя звѣрства: мужчинъ, женщинъ и дѣтей сажали на колъ, вѣшали по деревьямъ за ноги, разстрѣливали для забавы изъ луковъ и пищалей, жарили младенцевъ на сковородахъ. А тѣмъ временемъ Димитрій успѣлъ оправиться отъ пораженія, возстановилъ свою армію. Попрежнему стали переходить на его сторону украинные города и доставляли ему и людей, и большое количество военныхъ орудій; въ это же время возстали противъ Бориса казаки. Создалось такое положеніе, съ которымъ войска Бориса не могли уже справиться.

XII.

Настроеніе царя Бориса.—Его попытки изобличить Лжедмитрія.—Его смерть.

Между тѣмъ царь Борисъ, тревожимый мрачными предчувствіями, заперся въ своемъ дворцѣ и совсѣмъ перестаɫъ показываться народу. Теперь онъ уже видѣлъ, что однимъ запретомъ упоминать имя Димитрія не остановить заварившейся смуты. Надо было попытаться обличить страшнаго врага передъ народомъ, доказать, что онъ не болѣе какъ проходимецъ, бѣглый

монахъ Григорій Отрепьевъ, что онъ незаконно присвоилъ себѣ имя покойнаго царевича.

Здѣсь могла бы сослужить Борису большую службу мать убитаго царевича. Для этого онъ, говорятъ, велѣлъ тайно привезти къ себѣ во дворецъ заточеную имъ въ монастырь инокиню Маѳу и грозно допрашивалъ ее: правда ли, что живъ ея сынъ? Но желаннаго отвѣта онъ не добился. Разгнѣванный царь отправилъ монахиню обратно въ монастырь и приказалъ держать ее еще строже.

Послѣ этой неудачи Борисъ обратился къ помощи патріарха Іова. Іовъ, для вразумленія народа, разослалъ по всему государству грамоту. Въ ней говорилось, что вся смута шла отъ врага Христовой церкви, литовскаго короля Сигизмунда и ненавистниковъ православія. Они ложно назвали разстригу Гришку Отрепьева царевичемъ; патріарху же, освященному собору и всему міру извѣстно, что царевича Димитрія не стало уже болѣе 14 лѣтъ тому назадъ.

Но эти вразумленія не оказывали уже никакого дѣйствія. Наоборотъ, населеніе не довѣряло грамотѣ. Всѣ знали, что она составлена по внушенію Бориса. Еще больше окрѣпла вѣра въ подлинность Димитрія и въ близость его побѣды.

Не помогали также и жестокія преслѣдованія, и попытки избавиться отъ Димитрія съ помощью

тайныхъ наемныхъ убійцъ; не помогли гадальщицы и ворожеи, къ которымъ царь обращался за совѣтомъ, ни усердныя молитвы, для которыхъ Борисъ посылалъ сына по церквамъ. Тревога Бориса возрастала и съ каждымъ днемъ становился онъ все мрачнѣе передъ грозящей бѣдой.

Наконецъ, тяжелыя волненія Бориса разрѣшились печальной развязкой. 13-го апрѣля 1605 г., послѣ обѣда, царь вдругъ почувствовалъ себя дурно. Не успѣли привести доктора, какъ онъ былъ уже мертвъ. Смерть наступила такъ неожиданно, что не рѣшались даже сразу объявить о ней народу. Только на слѣдующій день оповѣстили о кончинѣ царя, и вслѣдъ за тѣмъ сейчасъ же призвали всѣхъ присягнуть царицѣ Маріи и сыну ея Ѳедору.

XIII.

Царь Ѳеодоръ Борисовичъ. — Петръ Басмановъ. — Измѣна. — Бояре у Димитрія. — Бунтъ противъ Годуновыхъ. — Убійство Ѳеодора и его матери.

Тяжкое и непосильное бремя доставалось на долю новаго шестнадцатилѣтняго царя, Ѳеодора. Борьба Бориса за власть, разрывъ съ боярской знатью, жестокости его, вызванныя

смутою, всѣхъ оттолкнули отъ царя и обрекали его семью на полное одиночество. Сильный умомъ и характеромъ Борисъ могъ еще противостоять всеобщей враждѣ; юный же, неопытный сынъ его и наслѣдникъ, очутился въ совершенно безпомощномъ положеніи; не было ему ни поддержки, ни довѣрія со стороны окружающихъ. Единственный замѣтный человѣкъ, на котораго растерявшаяся семья Годуновыхъ думала опереться, Петръ Басмановъ, замышлялъ уже измѣну и собирался перейти на сторону Димитрія. Между тѣмъ Басмановъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ войскъ, что сражались съ Димитріемъ. Да и въ самихъ войскахъ гнѣздилась уже измѣна, и немало въ нихъ было перебѣжчиковъ.

Прибывшій къ войскамъ Басмановъ долженъ былъ привести ихъ къ присягѣ новому царю. Тутъ сразу же возникли открытыя несогласія и раздоры—одни присягали, другіе отказывались. Видя, что дѣло Ѳедора проиграно, Басмановъ отбросилъ прежнюю нерѣшительность и отправилъ Димитрію въ Путивль письмо. Онъ писалъ, что готовъ служить Димитрію, какъ истинному и законному наслѣднику престола. Вмѣстѣ съ Басмановымъ согласились и другіе воеводы. Оставалось еще потянуть за собою войска. При томъ состояніи, въ какомъ они находились, это было не трудно. Скоро въ рядахъ арміи Бориса пронесся крикъ: «Многія лѣта царю нашему

Димитрію Ивановичу! Рады служить ему и прямить!»

14 мая 1605 г. къ Димитрію пришли отъ Борисова войска послы съ Иваномъ Голицынымъ во главѣ. Они били ему челомъ и признали законнымъ государемъ. Димитрій встрѣтилъ ихъ лаской и привѣтомъ; особенно порадовало его прибытіе Басманова, самаго опаснаго его противника, а съ этихъ поръ ставшаго его сторонникомъ и другомъ.

Войска перешли на сторону Димитрія, и народъ сдѣлался смѣлѣе въ своихъ требованіяхъ. Вывезенныя на стѣны кремля пушки уже не пугали москвичей и не могли остановить открытаго возмущенія. Когда отъ Димитрія прибыли гонцы съ грамотою и не рѣшались войти въ столицу, народъ самъ ихъ торжественно провелъ въ Москву и заставилъ громко читать грамоту съ лобнаго мѣста. Димитрій оповѣщалъ народъ, что Богъ спасъ его отъ козней враговъ, замышлявшихъ на его жизнь; говорилъ объ измѣнѣ Бориса и всѣхъ Годуновыхъ, чинившихъ обиды и разореніе православному народу; призывалъ бить челомъ ему, своему законному государю, и сулилъ разныя почести и награды, а ослушникамъ грозилъ судомъ божіимъ и опалой царской.

По прочтеніи грамоты поднялись споры и смятеніе. Потребовали князя Шуйскаго; онъ

производилъ слѣдствіе о смерти царевича въ Угличѣ, и отъ него народъ хотѣлъ теперь узнать настоящую правду. Еще недавно, удерживая народъ отъ бунта, Шуйскій увѣрялъ, что царевичъ Димитрій былъ убитъ, а называющій себя его именемъ—самозванецъ. Теперь же понялъ онъ, что вѣтеръ подулъ въ другую сторону. Изолгавшійся хитрый князь взошелъ на лобное мѣсто и всенародно провозгласилъ:

— Борисъ послалъ убить царевича, но царевича спасли, и вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ.

— Долой Годуновыхъ! Бейте, рубите ихъ! Будь здравъ Димитрій Ивановичъ!—заревѣла легковѣрная, возбужденная толпа и бросилась въ Кремль, во дворецъ.

Царь Ѳедоръ поспѣшилъ сѣсть на тронъ; онъ думалъ, что москвичи, увидѣвъ его во всемъ царскомъ величіи, съ матерью и сестрою, стоявшими съ образами по обѣимъ его сторонамъ, не осмѣлятся оскорбить его.

Но это не спасло несчастнаго царя; нахлынувшая толпа грубо стащила его съ престола. Царица-мать металась въ страхѣ и со слезами молила не убивать ея дѣтей. Всѣхъ троихъ усадили на водовозныхъ клячъ и отвезли въ старый домъ покойнаго Бориса. Затѣмъ одни начали грабить дворецъ, другіе бросились избивать родственниковъ Годуновыхъ.

Послѣ этого бояре одни за другими отправлялись въ Тулу, гдѣ находился Димитрій; всѣ они били ему челомъ и просили ѣхать въ Москву. На приглашеніе ихъ Димитрій отвѣчалъ, что сначала надо выпроводить изъ столицы Ѳедора съ матерью. Поняли эти слова бояре такъ, что съ царемъ и царицей надо было покончить.

Несчастные плѣнники уже десять дней томились въ страхѣ за свою жизнь. На десятый день посланные отъ бояръ вошли въ домъ, гдѣ держали подъ стражей Годуновыхъ, развели мать и сына по разнымъ комнатамъ и тамъ удавили ихъ; сестру Ѳедора, Ксенію, оставили въ живыхъ, а впослѣдствіи постригли въ монастырь.

Совершивъ жестокую расправу съ семьею Годуновыхъ, москвичи стали ждать къ себѣ новаго царя.

XIV.

Торжественное вступленіе Димитрія въ Москву.—Вѣнчаніе на царство.—Пріѣздъ царской невѣсты Марины.—Обрученіе и коронованіе.

Димитрій выѣхалъ изъ Тулы въ Москву. По пути его встрѣчали изъявленіемъ покорности и любви. Съ своей стороны, царь отвѣчалъ лаской

и милостью и самыми заманчивыми обѣщаніями въ будущемъ.

— Я не царемъ, не великимъ князем у васъ буду,—говорилъ онъ,—я хочу быть отцомъ у васъ. Только и буду жить для пользы и счастья моихъ любимыхъ подданныхъ.

Между тѣмъ повсюду дѣлались приготовленія ко въѣзду новаго государя, и 20 іюня 1605 г. Димитрій вступилъ торжественно въ Москву. Впереди шли съ музыкой польскія роты въ блестящемъ вооруженіи, за ними слѣдовали стрѣльцы. Потомъ везли царскія кареты, запряженныя шестерками лошадей. Далѣе ѣхали дворяне и бояре въ праздничныхъ кафтанахъ, сверкавшихъ на солнцѣ жемчугомъ и золотымъ шитьемъ; позади ихъ шли московскіе военные музыканты, за которыми тянулись длинныя ряды служилыхъ людей на коняхъ. Затѣмъ выступало духовенство въ золотыхъ ризахъ съ хоругвями и образами; шелъ патріархъ. Наконецъ народъ узрѣлъ и своего чудесно спасеннаго и долго жданнаго царя. Димитрій ѣхалъ верхомъ на великолѣпномъ конѣ въ драгоцѣнномъ уборѣ, окруженный свитою бояръ и дворянъ, а позади него слѣдовала многочисленная пестрая толпа казаковъ, поляковъ, татаръ. Съ радостью и съ слезами умиленія встрѣчалъ народъ своего новаго повелителя.

— Вотъ онъ,—кричали,—нашъ батюшка-кор-

милецъ! Богъ его чудесно спасъ и привелъ къ намъ. Сколько бѣдъ и напастей претерпѣлъ онъ, голубчикъ! Взошло ты, ясное солнышко, надъ землею русскою, царь нашъ, государь Димитрій Ивановичъ!

Завидѣвъ кремль, Дмитрій прослезился. Плакалъ вмѣстѣ съ царемъ и умиленный народъ. Гудѣлъ звонъ колоколовъ, слышалось церковное пѣніе. Сойдя съ коня, Димитрій приложился къ крестамъ и образамъ. Послѣ молебна въ Кремлѣ онъ отправился въ Архангельскій соборъ и, припавъ ко гробу Ивана Грознаго, восклицалъ:

— О, мой родитель! Я оставленъ былъ тобою въ изгнаніи и гоненіи, но я уцѣлѣлъ отеческими твоими молитвами.

Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ въѣзда Димитрія прибыла въ Москву царица-инокиня, Марѳа. Она рѣшила признать Димитрія своимъ сыномъ. Царицу везли въ каретѣ. Выѣхавшій на встрѣчу царь соскочилъ съ коня, подошелъ къ царицѣ, и оба со слезами бросились другъ другу въ объятія. Народъ при видѣ этой трогательной встрѣчи плакалъ и уже не могъ сомнѣваться, что, признанный родной матерью сынъ былъ истинымъ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ.

Вслѣдъ за царицей были возвращены изъ ссылки и многіе другіе, подвергшіеся преслѣдованію при Борисѣ Годуновѣ.

30-го іюля 1605 г. торжественно было совершено вѣнчаніе на царство въ Успенскомъ соборѣ. Пошли роскошныя и веселыя народныя гулянья...

Осенью Димитрій послалъ въ Польшу Аѳанасія Власьева. Въ качествѣ замѣстителя царя, онъ долженъ былъ обручится съ панной Мариной по католическому обряду и затѣмъ привести ее съ отцомъ въ Москву. Долго пришлось дожидаться Димитрію своей гордой невѣсты, и лишь весною слѣдующаго года собралась она къ своему нареченному жениху.

Невѣсту царя москвичи встрѣтили также съ большой пышностью. Переѣхавъ черезъ Москву-рѣку, поѣздъ Марины остановился у шатровъ, раскинутыхъ на зеленѣвшемъ лугу. Здѣсь расположились тысячи всадниковъ. Когда Марина, окруженная дамами и кавалерами, возсѣла на богатое кресло, приготовленное для нея въ одномъ изъ шатровъ, къ ней вошли бояре съ княземъ Мстиславскимъ во главѣ и били челомъ новой государынѣ, низко кланяясь до земли. Бояре объявили, что царь прислалъ ихъ просить ее пожаловать въ свою столицу.

Марина вышла изъ шатра и сѣла въ карету, запряженную двѣнадцатью бѣлыми въ яблокахъ лошадьми; карету окружали лакеи въ пестрыхъ нарядахъ, а каждую лошадь велъ подъ уздцы особый конюхъ. По дорогѣ были разставлены

пѣшіе и конные стрѣльцы, польскіе гусары, музыканты. Впереди, на дорогомъ конѣ, блиставшемъ золотыми уборами и стременами съ бирюзою, ѣхалъ отецъ невѣсты, Юрій Мнишекъ. На немъ былъ роскошный малиновый кафтанъ; сзади слѣдовали въ каретахъ придворныя дамы и слуги царицы. Поѣздъ замыкался толпой московскаго народа. Пріѣхавъ въ Кремль, Марина помѣстилась до бракосочетанія въ особо отведенныхъ для нея покояхъ.

8 мая 1606 г. было назначено коронованіе Марины, а вслѣдъ за нимъ и бракосочетаніе. Съ утра стали съѣзжаться къ Кремлю разныя начальные люди; громадной толпой повалилъ туда же народъ. Боярыни торжественно вели Марину, въ богатомъ русскомъ нарядѣ, сплошь усыпанномъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; на ногахъ у нея были сафьянные сапожки, унизанные жемчугомъ, а на головѣ— золотая съ камнями повязка. Посадили Марину въ столовой избѣ на возвышенное мѣсто. Явился и царь, окруженный боярами и свадебными чинами, и сѣлъ возлѣ невѣсты; онъ былъ также въ дорогомъ и пышномъ нарядѣ и съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ.

Послѣ обряда обрученія перешли въ Грановитую палату. Царь возсѣлъ на престолъ. Марина приняла благословеніе отъ протопопа и сѣла на тронное мѣсто подлѣ жениха.

Когда въ Успенскомъ соборѣ все было приготовлено для обряда коронованія, царь съ царицею, въ сопровожденіи бояръ и свадебныхъ чиновъ, отправились въ церковь. Приложившись къ иконамъ и мощамъ, они приблизились къ патріарху. Патріархъ благословилъ ихъ, возвелъ на чертожное мѣсто и возложилъ на Марину корону. Торжество закончилось пѣніемъ многолѣтія и поздравленіями. Послѣ коронованія царица была причащена святыхъ таинъ вмѣстѣ съ государемъ и помазана на царство.

Затѣмъ совершено было брачное вѣнчаніе, и новобрачные опять возвратились въ столовую избу, а послѣ трапезы удалились въ свои покои.

Цѣлыхъ пять дней продолжались въ Москвѣ свадебные пиры и празднества. Но недолго длилось торжество Димитрія, скоро кончилось оно кровавою бѣдою.

XV.

Правленіе Димитрія.

Царствованіе названнаго Димитрія обѣщало много благопріятныхъ перемѣнъ въ русской жизни. Оно не оставило однако по себѣ никакихъ слѣдовъ, можетъ быть потому, что

было слишкомъ кратковременно. Димитрій во многихъ отношеніяхъ выгодно отличался отъ прежнихъ русскихъ царей и какъ человѣкъ, и какъ правитель. Человѣкъ онъ былъ даровитый, обладалъ природнымъ умомъ, просвѣщеннымъ взглядомъ, живымъ, веселымъ характеромъ, краснорѣчіемъ. Старыя привычки московскихъ людей ему были чужды. Послѣ обѣда не укладывался онъ спать, а выходилъ часто одинъ въ городъ, заглядывалъ въ разныя мастерскія, толковалъ запросто съ мастерами, осматривалъ ихъ работы, на улицѣ ласково разговаривалъ со встрѣчными.—Не любилъ онъ особенно и русской бани. При немъ уже не запрещали, какъ прежде, народныхъ забавъ. Онъ хотѣлъ чтобы всѣ были веселы и довольны. Каждый могъ забавлятся играми и зрѣлищами, не боясь наказаній. Димитрій былъ лихой наѣздникъ и страстный охотникъ. На травлѣ медвѣдей самъ бросался на звѣря и всѣхъ удивлялъ своею удалью и неустрашимостью. Къ окружающимъ былъ добръ и щедръ; никто изъ обращавшихся къ нему не уходилъ съ пустыми руками.

— У меня,—говорилъ онъ,—есть двѣ возможности царствовать и укрѣпиться на престолѣ: или милосердіемъ и щедростью, или суровостью и казнями; я избралъ первый способъ; я въ сердцѣ далъ Богу обѣтъ не проливать крови подданныхъ, и я исполню его.

И дѣйствительно, Димитрій часто относился доброжелательно и великодушно даже къ своимъ непримиримымъ врагамъ.

Не былъ особенно прилеженъ новый царь и къ благочестію, онъ не стѣснялся высказывать свое неодобреніе къ церковнымъ порядкамъ и образу жизни духовенства.

— У васъ въ церкви,—говорилъ онъ,—только обряды, а смыслъ ихъ укрытъ; только въ томъ поставляете благочестіе, что посты сохраняете, иконы чествуете, мощамъ покланяетесь, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры... Ваши попы и архіереи—невѣжды и не учатъ народъ... Живете не по-христіански, вы злобны, мало любите ближняго...

Не похожъ былъ на своихъ предшественниковъ Димитрій и какъ правитель. Иностранцы, жившіе въ то время въ Москвѣ, полагали, что на русскомъ престолѣ возсѣлъ преобразователь и просвѣтитель Россіи. Высказывалъ онъ, дѣйствительно, свободолюбивыя мысли. Если бы онъ успѣлъ претворить ихъ въ дѣло, то былъ бы первый государь въ Европѣ, который сдѣлалъ бы свое государство до такой степени свободнымъ.

Въ заботахъ о благосостояніи государства Димитрій объявилъ свободу торговли, промысловъ и ремеселъ какъ для русскихъ, такъ и для иностранцевъ; разрѣшилъ всѣмъ сво-

бодно ѣздить внутри государства и выѣзжать за-границу.

— Я не хочу никого стѣснять,—говорилъ онъ;—мои владѣнія для всѣхъ во всемъ должны быть свободны.

Онъ охотно приглашалъ въ Россію иностранныхъ мастеровъ и торговцевъ; онъ вообще съ благосклонностью относился къ иновѣрцамъ не только иноземнымъ, но и жившимъ въ Россіи. Онъ считалъ недостойнымъ христіанина и безразсуднымъ презирать иновѣрцевъ.

— Я хочу,—говорилъ онъ,—чтобы въ моемъ государствѣ всѣ иновѣрцы отправляли богослуженіе по своему обряду.

Съ большимъ уваженіемъ относился Димитрій къ наукѣ и книжному знанію; собирался построить на Руси школы и даже университетъ; поощрялъ своихъ невѣжественныхъ бояръ къ путешествіямъ по Европѣ, чтобы поучиться тамъ уму-разуму; совѣтовалъ имъ посылать туда учиться дѣтей; пріохочивалъ окружающихъ къ чтенію книгъ.

Димитрій старался искоренить старое русское зло—неправосудіе и взяточничество чиновниковъ; онъ заботился чтобы судъ для народа былъ безвозмездный; чтобы удержать чиновниковъ отъ взятокъ, удвоилъ имъ жалованье; неисправимыхъ же дьяковъ и приказныхъ нерѣдко собственноручно училъ палкою

по спинѣ. Въ огражденіе общинъ отъ поборовъ чиновниковъ, онъ предоставилъ имъ самимъ приносить подати, какія съ нихъ причитались.

Изъ другихъ мѣропріятій Димитрія заслуживаетъ вниманія запрещеніе записывать въ кабалы. Этотъ обычай широко примѣнялся при Борисѣ Годуновѣ (стр. 20). Записанный въ кабалу вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ продавался въ рабство не только одному хозяину, но и его дѣтямъ. Димитрій постановилъ, что холопъ могъ продаваться лишь господину, которому подрядился служить. Другой мѣрой Димитрій постановилъ, что помѣщики, которые не кормили во время голода своихъ крестьянъ, не имѣли права удерживать ихъ на своихъ земляхъ; теряли право помѣщики и на бѣглыхъ крестьянъ, не разысканныхъ въ теченіе пяти лѣтъ.

Димитрій любилъ самъ вникать во всѣ государственныя дѣла и въ интересы даже отдѣльныхъ лицъ. Повсюду было объявлено, что царь лично принимаетъ отъ людей всѣхъ званій и сословій челобитья, и два раза въ недѣлю каждому былъ открытъ доступъ во дворецъ для ходатайства о своихъ частныхъ дѣлахъ.

XVI.

Козни бояръ противъ Димитрія.—Заговоръ Шуйскаго.—Судъ надъ заговорщиками.—Осужденіе и помилованіе.—Новый заговоръ.

Таковы были намѣренія и начинанія новаго царя. Но Димитрій царствовалъ всего 11 мѣсяцевъ, да еще въ такое тревожное время, когда нельзя было и расчитывать на проведеніе коренныхъ перемѣнъ въ русской жизни. Къ тому же боярская знать не помогала ему въ его благихъ начинаніяхъ. Бояре выдвинули Димитрія только для борьбы съ Борисомъ Годуновымъ во имя своихъ собственныхъ сословныхъ выгодъ. Разъ Борисъ умеръ, а семья его истреблена, имъ уже не было надобности въ своемъ ставленникѣ; наоборотъ, нужно было убрать его, чтобы самимъ стать у власти.

И въ самомъ дѣлѣ, чуть ли не съ первыхъ же дней, по воцареніи Димитрія въ Москвѣ, начали бояре составлять противъ него заговоръ. Среди высшихъ бояръ, наиболѣе великороднымъ былъ извѣстный уже намъ князь Василій Шуйскій. Ради своихъ личныхъ выгодъ, Шуйскій готовъ былъ на самую черную ...ѣну. Онъ таилъ честолюбивую мысль хотя бы ...зъ трупъ Димитрія добраться до царскаго ...а. Но дѣйствовалъ онъ осторожно. Въ при-

вычкахъ и поведеніи новаго царя, а особенно въ поведеніи понаѣхавшихъ съ нимъ поляковъ было многое, что должно было возбудить недовольство среди московскихъ людей. Чтобы ускорить наступленіе взрыва, Шуйскій сталъ распространять ту самую молву, которую недавно еще опровергалъ—молву, что Димитрій не царскій сынъ, а самозванецъ. На этотъ разъ не трудно было ее подкрѣпить поступками самого Димитрія и поведеніемъ поляковъ, которые дѣйствительно сильно раздражали москвичей.

Шуйскій указывалъ, что Димитрій позволяетъ некрещенымъ ходить въ православныя церкви; самъ держится иноземныхъ обычаевъ и хочетъ искоренить православную вѣру и истребить старые боярскіе роды.

Сообщники Шуйскаго оказались очень болтливы и попались. Послѣ допроса и пытки они сознались и указали на братьевъ Шуйскихъ. Тѣхъ немедленно арестовали. Димитрій проявилъ столь необычное для того времени великодушіе, что отказался отъ личной расправы со своими врагами. Онъ предоставилъ разобрать дѣло собору изъ выборныхъ всѣхъ сословій. Столь же вѣроломный, сколько и трусливый, Василій Шуйскій, а за нимъ и братья его, испугались пытки, пали на колѣни и просили о помилованіи. Но соборъ осудилъ Ва-

силія Шуйскаго на смертную казнь, а братьевъ въ ссылку. На слѣдующій день послѣ суда осужденнаго вывели на площадь, гдѣ была приготовлена плаха. Шуйскій перекрестился и, обратившись къ народу, сказалъ: «умираю за вѣру и правду» и подошелъ къ плахѣ. Палачъ уже снялъ съ него кафтанъ, какъ вдругъ прискакалъ верховой съ объявленіемъ царской милости. Димитрій миловалъ своего врага и замѣнилъ ему казнь ссылкою.

Вѣрный своему обѣщанію дѣйствовать не страхомъ, а милостью, Димитрій скоро и совсѣмъ простилъ Шуйскаго, вернулъ его изъ ссылки, возвратилъ ему всѣ прежнія почести, положившись на его клятву въ вѣрности. Шуйскій же, вѣрный своей натурѣ, не задумался нарушить свою клятву при первомъ удобномъ случаѣ и отплатилъ своему великодушному врагу черной измѣною.

Первая неудача заговора противъ Димитрія не удержала бояръ отъ дальнѣйшихъ попытокъ и заставила ихъ только удвоить свою осторожность. Противники Димитрія старались ославить его передъ поляками, чтобы лишить его поддержки съ ихъ стороны, и очернить въ глазахъ русскаго народа.

Поводовъ же для этого Димитрій давалъ немало.

Уже самый бракъ его съ полячкой, выго-

ворившей себѣ право свободно исповѣдывать католическую вѣру, показался народу зазорнымъ *). Скопленіе въ Москвѣ огромнаго числа поляковъ также вызывало тревогу и раздраженіе. Для размѣщенія поляковъ брали дома не только у купцовъ, но и у дворянъ и даже у бояръ. Между тѣмъ поведеніе поляковъ, заносчивыхъ и своевольныхъ, глубоко возмущало москвичей. Димитрій же явно благоволилъ къ полякамъ, былъ къ нимъ щедръ и гостепріименъ.

Всѣмъ этимъ и пользовались бояре-заговорщики. Старались народу внушить мысль, что царь хочетъ искоренить православіе и отдать Литвѣ часть государства. Но наученные опытомъ, они привлекали къ себѣ только самыхъ близкихъ и надежныхъ людей. Они такъ искусно скрывали свой замыселъ, что когда въ январѣ 1606 г. до правительства дошли свѣдѣнія о покушеніи на жизнь Димитрія, то бояре остались внѣ всякихъ подозрѣній. Произведенными розысками были открыты какихъ-то семь ви-

---

*) Позднѣе въ одной пѣснѣ народъ въ слѣдующихъ словахъ излилъ свое недовольство:

Позволилъ воръ-собака жепитися;
Не у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ онъ беретъ въ Каменной Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятой Литвѣ,
Въ проклятой Литвѣ у Юрія, пана Стредомирскаго,
Беретъ онъ Марину, дочь Юрьеву.

повниковъ, надъ которыми самъ народъ учинилъ кровавую расправу.

На руку боярамъ была и слѣпая увѣренность Димитрія въ прочности своего положенія. Безпечность его была столь велика, что онъ не допускалъ ни малѣйшей мысли о грозившей ему опасности. На предупрежденія друзей онъ отвѣчалъ, что все это одни вздорные слухи, что терпѣть не можетъ доносчиковъ и будетъ ихъ самихъ наказывать. Даже къ совѣтамъ такого преданнаго ему человѣка, какъ Петръ Басмановъ, царь относился съ самой легкомысленной беззаботностью.

XVII.

Избіенія поляковъ.—Убійство Димитрія.

Между тѣмъ какъ Димитрій безпечно отдавался веселію свадебныхъ пиршествъ, заговорщики готовились къ послѣднему кровавому шагу. Въ ночь съ 16 на 17-е мая, когда царь съ царицей, послѣ шумнаго ночного пира, удалились въ свои покои, бояре собрались въ домѣ Шуйскаго на свое послѣднее совѣщаніе; въ числѣ ихъ было нѣсколько сотниковъ и пятидесятниковъ отъ войска, стянутаго къ Москвѣ. Князь Василій Шуйскій обратился

къ собравшимся съ рѣчью; онъ рѣзко осуждалъ Димитрія, говорилъ о неизбѣжныхъ грядущихъ бѣдствіяхъ, указывалъ на своеволіе и безчинства поляковъ, собирающихся поработить русскую землю, и закончилъ такими словами: «Теперь ихъ пока еще немного, а насъ много; они пьянствуютъ безпечно; можно собраться въ одну ночь и выгубить ихъ, такъ что они не спохватятся на свою защиту». На этомъ заговорщики и порѣшили и согласились дѣйствовать по указаніямъ Шуйскаго.

Москвичамъ хотя и не нравились многіе поступки царя, но все же озлоблены они были прежде всего противъ поляковъ. Димитрія они считали подлиннымъ и законнымъ царемъ и на открытое возстаніе противъ него врядъ ли пошли бы они. Поэтому заговорщики прибѣгли къ обману; они рѣшили воспользоваться озлобленіемъ народа противъ поляковъ, пустили слухъ, что поляки собираются убить Димитрія, подняли московскій народъ на нихъ для защиты царя.

Самъ же Шуйскій сѣялъ смуту въ войскахъ.

Съ восходомъ солнца Шуйскій приказалъ отворить тюрьмы и выпустить на волю заключенныхъ. Ударили въ набатъ. Тревожный звонъ раздался на всѣхъ колокольняхъ московскихъ церквей. Со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ. Главные руководители заговора—Шуйскій, Татищевъ, Голицыны кричали толпѣ:

— Литва собирается убить государя и перебить бояръ; идите бить Литву!

Эта вѣсть быстро распространилась среди москвичей; всѣ бросились въ разныя стороны на поляковъ. Направивъ толпу подальше отъ Кремля, Шуйскій поскакалъ въ Кремль; за нимъ ѣхали и бѣжали заговорщики съ ружьями, саблями, копьями, топорами и рогатинами.

Набатный звонъ разбудилъ Димитрія; онъ вскочилъ съ постели и, не желая тревожить жену, побѣжалъ по корридору въ свой дворецъ. До него доходили уже крики толпы. Басмановъ отворилъ окно и, увидавъ разъяренную толпу, спросилъ, что надо.

— Отдай намъ своего царя-вора!—кричала чернь.

— Ахти мнѣ, государь!—бросился Басмановъ къ Димитрію.—Самъ виноватъ! Не вѣрилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ! Бояре и народъ идутъ на тебя!

Тутъ проскочилъ мимо стражи дьякъ Тимофей Осиповъ и началъ обличать Димитрія:

— Ну, безвременный царь, проспался ты? Выходи давать отвѣтъ людямъ. Не царь ты, а воръ, разстрига Гришка Отрепьевъ, чернокнижникъ, еретикъ, обругатель православной вѣры!

Басмановъ разсѣкъ его саблей и выбросилъ за окно.

Димитрій велѣлъ запереть двери. Толпа наступала все тѣснѣе. Василій Шуйскій слѣзъ съ коня и крикнулъ:

— Кончайте скорѣе съ воромъ, Гришкою Отрепьевымъ! Если вы не убьете его, онъ намъ всѣмъ головы сниметъ!

Еще наканунѣ Шуйскій обманнымъ образомъ вывелъ изъ дворца значительную часть стражи, оставшаяся же часть не могла сдержать напиравшей вооруженной толпы; Димитрій, выхвативъ у ближайшаго къ нему стражника мечъ, бросился на встрѣчу толпы съ крикомъ:

— Я вамъ не Борисъ!

Изъ толпы грянулъ выстрѣлъ. Басмановъ выступилъ впередъ, чтобы заслонить собою царя. На вѣрнаго слугу Димитрія кинулся Татищевъ и поразилъ его ножемъ прямо въ сердце. Басмановъ свалился какъ снопъ. Димитрій, отбиваясь мечемъ отъ наступавшихъ враговъ, быстро отступилъ. Заперли двери. Но подъ напоромъ толпы, подъ ударами топоровъ двери были выломаны. Царь бросился на половину жены, но всѣ входы туда были уже заняты разъяренными заговорщиками. Димитрій успѣлъ только крикнуть царицѣ:

— Мое сердце, измѣна!

Онъ убѣжалъ и пытался спуститься по лѣстницамъ, приставленнымъ къ стѣнѣ и приготовленнымъ для предстоявшей иллюминаціи; онъ хо-

тѣлъ отдаться подъ защиту народа, но къ своему несчастью, сорвался и сильно расшибся.

Пробужденная крикомъ и звономъ Марина, не видя мужа, поняла, что происходитъ что-то неладное. Наскоро одѣвшись, дрожа отъ страха, пробралась она незамѣтно въ помѣщеніе своихъ придворныхъ дамъ. Женщины столпились вмѣстѣ, объятыя ужасомъ въ одной комнатѣ; у дверей, съ саблей въ рукахъ, стоялъ молодой тѣлохранитель Марины.

Нагрянувшая сюда толпа уложила на мѣстѣ тѣлохранителя и, ворвавшись въ комнату, стала гнусно издѣваться надъ безпомощными женщинами. Но прибѣжали бояре, разогнали толпу и избавили несчастныхъ отъ позора.

Въ это время во дворѣ наткнулись на тѣло царя, лежавшаго безъ чувствъ на землѣ.

— Нашли, нашли еретика!—заревѣли внизу.

На помощь царю бросились стрѣльцы. Его отлили водой и внесли на каменный фундаментъ сломаннаго дома Бориса.

Увидѣвъ около себя стрѣльцовъ, Димитрій сталъ жалобно просить ихъ о защитѣ. Стрѣльцы обѣщали. Залпомъ выстрѣловъ оттѣснили они нападавшихъ. Было убито нѣсколько дворянъ, и заговорщики готовы уже были разбѣжаться.

Но Василій Шуйскій удержалъ ихъ.

— Задушите свирѣпаго змія, пока онъ въ

ямѣ,—кричалъ Шуйскій, — а какъ выползетъ, то намъ горе, и женамъ нашимъ, и дѣтямъ.

Стали опять наступать; стрѣльцы снова приложились къ ружьямъ.

Тогда толпа закричала, что идетъ въ слободу избивать женъ и дѣтей стрѣльцовъ. Эта угроза заставила стрѣльцовъ отступить и предать Димитрія въ руки убійцъ.

Заговорщики схватили Димитрія; прежде чѣмъ покончить съ своей беззащитной жертвой, они начали самымъ грубымъ и жестокимъ образомъ издѣваться надъ нею. Вдоволь понатѣшившись, Димитрія, наконецъ, пристрѣлили; опьяненная кровью толпа, бросилась на трупъ. Били его топорами и рогатинами, а потомъ привязали къ ногамъ веревку, поволокли на Красную площадь и положили на маленькій столикъ. Туда же притащили трупъ Басманова и положили подъ ноги убитаго Димитрія. Дико издѣвались заговорщики надъ мертвыми.

Въ это же время московская толпа, обманутая боярами, производила расправу надъ поляками. Поляки отстаивали свою жизнь, какъ могли. За два дня, въ теченіе которыхъ продолжались буйства и избіенія въ Москвѣ, пало до двухъ—трехъ тысячъ поляковъ и русскихъ.

Опять Московское государство осталось безъ царя...

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. Царь Өедоръ Ивановичъ.—Его характеръ и его ближайшіе совѣтники 1

II. Борисъ Годуновъ.—Борьба за власть и торжество его.—Борисъ—правитель. . . 4

III. Смерть царевича Димитрія Ивановича въ Угличѣ.—Подозрѣнія противъ Бориса.—Слѣдствіе.—Расправа Бориса съ угличанами 7

IV. Мечты Бориса о царскомъ вѣнцѣ.—Смерть царя Өедора.—Отреченіе Ирины.—Прекращеніе царствующаго дома. — Междуцарствіе. — Взглядъ московскихъ людей на царя и государство 12

V. Призваніе Бориса на престолъ.—Отказъ Бориса.—Избирательный соборъ 1598 г.—Избраніе Бориса на царство. 15

VI. Борисъ—царь.—Правленіе Бориса. . . . 17

VII. Внутреннее состояніе московскаго государства въ XVI в.—Бояре, дворяне, крестьяне, горожане. 21

VIII. Голодъ 1601 и 1602 г.г.—Настроеніе народа.—Слухъ о царевичѣ Димитріи. . . 28

IX. Откуда пошелъ слухъ о Лжедимитріи?—Бояре и царь Борисъ.—Бояре Романовы и ихъ судьба.—Сыскъ и доносы.—Первыя вѣсти о появленіи Лжедимитрія 32

стр.

X. Кто былъ Лжедимитрій?—Его юношескіе годы.—Служба у Вишневецкаго.—Въ гостяхъ у Юрія Мнишка.—Свиданіе съ королемъ Сигизмундомъ.—Переходъ въ католичество.—Помолвка съ Мариной . . . 39

XI. Начало похода Лжедимитрія.—Его успѣхи.—Пораженіе Лжедимитрія и новые успѣхи . 46

XII. Настроеніе царя Бориса.—Его попытки изобличить Лжедимитрія.—Его смерть. . 49

XIII. Царь Ѳедоръ Борисовичъ.—Петръ Басмановъ. — Измѣна. — Бояре у Димитрія.—Бунтъ противъ Годуновыхъ.—Убійство Ѳедора и его матери 51

XIV. Торжественное вступленіе Димитрія въ Москву.—Вѣнчаніе на царство.—Пріѣздъ Марины.—Обрученіе и коронованіе ея. . 55

XV. Правленіе Димитрія 60

XVI. Козни бояръ противъ Димитрія.—Заговоръ Шуйскаго.—Судъ надъ заговорщиками.—Осужденіе и помилованіе Шуйскаго.—Новый заговоръ 65

XVII. Избіеніе поляковъ въ Москвѣ.—Убійство Димитрія. 69

Тип. Т-ва п. ф. «Электро-Типографія Н. Я. Стойковой». Спб Знаменская, 27.

IV. Земля и люди.

83. **Деполовичъ, К.** *Къ Средиземному морю.* 40 к. 89. **Лавровъ. М.** *Нужда гонитъ.* 10 к. 90. **Богдановскій, А.** *Какъ Петръ Захарычъ переселялся.* 20 к.

V. Исторія.

87. *Царь Дарій и его царство.* 15 к. 95. **По Бульверу.** *Король Гарольдъ.* Историческая повѣсть въ двухъ част. Съ введеніемъ «Изъ исторіи Англіи». 50 к. 96. **По Тьери и Диккенсу.** *Завоеватель и его наслѣдники.* 12 к. 99. **Поліевктовъ, М.** *Владимиръ святой.* 12 к.

СЕРІЯ ТРЕТЬЯ (кн. 101—120). Цѣна всей серіи 3 р. 20 к.

I. Повѣсти и разсказы.

101. **Мордовцевъ, Д. Л.** *Сердце не камень.* Со вступительн. статьею. *«200 лѣтъ назадъ».* 10 к. 102. **Немировичъ-Данченко, В. И.** *Близнецы.* 15 к. 103. **Немировичъ-Данченко, В. И.** *Пріемышъ отца Веденея.* 25 к. 104. **Слѣпцова, М.** *Въ поискахъ за безсмертіемъ.* 5 к. 105. **По Ибсену.** *Докторъ Штокманъ.* Повѣсть 30 к.

II. Поясненія къ образцовымъ произведеніямъ.

114. **Краббъ, Г.** *Поздно.* Два разсказа; 12 к.

III. Естествознаніе.

106. **Слѣпцова, М.** *Взаимная помощь у животныхъ.* 10 к. 107. **Слѣпцова, М., Станюковичъ** и др. *Тигръ.* 15 к. 113. **Слѣпцова, М.** *Обманщики.* 8 к. 115. **Лавровъ, М.** *Пожары.* 25 к. 116—117. **Слѣпцова, М.** *Разгаданныя тайны изъ жизни растеній:* I. Какъ растенія поѣдаютъ насѣкомыхъ. 8 к. II. Слуги растеній. 10 к. III. Какъ растенія сѣютъ. 7 к.

IV. Земля и люди.

111. **Смирновъ, А. П.** *Вогулъ Никита.* 15 к.

V. Исторія.

108. **Слѣпцовъ, А.** *Маркъ Поло и его странствованія.* 25 к. 109. **Слѣпцовъ. А.** *По морю до Индіи.* 25 к. 110. **Слѣпцовъ, А.** *Какъ открыли Новый Свѣтъ.* 30 к. 112. **Крыловъ, В. Н.** *Господинъ великій Новгородъ.* 25 к. 119. **Оксъ, В. Б.** *Дѣва орлеанская.* 20 к.

СЕРІЯ ЧЕТВЕРТАЯ (кн. 121—140). Цѣна всей серіи 3 р. 8 к.

121. **Слѣпцова, М.** *Комаръ.* 8 к. 122. **Оржешко, Э.** *Коробейникъ.* 10 к. 123. **Конопницкая, М.** *Жидъ.* 5 к. 124. **Слѣпцова, М.** *Счастливый день* (изъ быта чукчей). 10 к. 125. **Слѣпцова, М.** *Остановка* (изъ быта коряковъ). 8 к. 126. **Слѣпцова, М.** *Женитьба Михайлы* (изъ быта якутовъ). 10 к. 127. **Слѣпцова, М.** *У остяковъ* 10 к. 128. **Слѣпцова, М.** *Съ весны до весны* (бытъ лопарей). 15 к. 129. **Киплингъ, Р.** и др. *Эскимосы.* 20 к. 130. *Москва и Тверь* (историческая повѣсть). 35 к. 131. **Коропчевскій, Д.** *Древніе люди.* 20 к. 132. **Коропчевскій, Д.** *Дикіе люди* 25 к. 133. **Исаевъ, М.** *Первый разъ вокругъ свѣта.* 20 к. 134. **Нарская, В.** *Швейцарія и швейцарцы.* 40 к. 135. *Швейцарскіе разсказы* 8 к. 136. **Львова, Л.** *На своихъ ногахъ* (изъ жизни самоѣдовъ). 20 к. 137. **Ледлау.** *Стрѣлочникъ Лизъ.* 7 к. 138. **Слѣпцова, М.** *Кто побѣдилъ* (изъ исторіи воздухоплаванія). 10 к. 139. **Эліотъ, Дж.** *Не въ деньгахъ счастье.* 10. к. 140. *Вильгельмъ Телль.* 20 к.

СЕРІЯ ПЯТАЯ (кн. 141—160). Цѣна всей серіи 2 р. 14 к.

141. *Дѣти Ревекки.* 10 к. 142. **Форестье.** *Калѣка.* 10 к. 143. **Ледлау.** *Малолѣтокъ* 5 к. 144. **Шатріанъ.** *Исторія одного крестьянина.* 15 к. 145. **Шатріанъ.** *Рекрутъ 1813 г.* 10 к. 146. **Шатріанъ.** *Тереза.* 12 к. 147. *При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.* 15 к. 148. **Мичурина.** *Кошка.* 8 к. 149. **А. С.** *Бесѣды о землѣ и небѣ.* 20 к. 150. **Франко, И.** *У окна.* 8 к. 151. **Пруссъ, Б.** *Слимакъ.* 15 к. 152. **Гюго, В.** *Возставшій рабъ.* 15 к. 153. **Додэ, А.** *Необдуманный поступокъ* 8 к. 154. **Слѣпцова, М.** *Защита жизни,* 8 к. 155. **Слѣпцова, М.** *Морскія чудеса.* 8 к. 156. **Конъ.** *Общество клѣтокъ.* 6 к. 157. **Слѣпцова, М.** *За золотомъ по Амуру.* 8 к. 158. **Шрейнеръ, О.** *Петръ Хролькетъ.* 7 к. 159. *Гусъ.* 13 к. 160. *Гуситы.* 13 к.

СЕРІЯ ШЕСТАЯ (кн. 161—180). Цѣна всей се...

161. Гаршинъ, В. *Медвѣди.* 5 к. 162. Златовратскій, Н. *Деревенскій* ... Пруссъ, Б. *Антекъ.* 9 к. 164. Гомулицкій, В. *Въ бричкѣ.* 7 к. 165. Стуартъ, А. *Парусъ.* 1... 166. Волкова, Е. *Русскій печатникъ.* 12 к. 167. Рукавишниковъ, Г. *Ключъ къ свѣту (Гут... бергъ),* 8 к. 168. Слѣпцовъ, А. *Бироновщина.* 12 к. 169. *Бесѣды о землѣ и небѣ.* Кн. 2-ая. ... 170. *Бесѣды о землѣ и небѣ.* Кн. 3-ья. 10 к. 171. *Бесѣды о землѣ и небѣ.* Кн. 4-ая. 15 ... 172. Дмитріева, В. *Человѣкомъ сталъ.* 7 к. 173. Бахтіаровъ, А. *Листъ бумаги.* 12 к. 174. Сл... цова, М. *Ожившее яйцо.* 15 к. 175. Лавровъ, М. *Прежде и теперь.* 12 к. 176. Бахтіаровъ, ... *Стекло.* 15 к. 177. Нарская, В. *Страна утренняго покоя (Корея).* 30 к. 178. Д-ръ Щеп... скій, А. *Живой свѣтъ.* 12 к. 179. Конъ. *Друзья и враги.* 12 к. 180. Слѣпцова, М. *В... Кормилица.* 10 к.

СЕРІЯ СЕДЬМАЯ (кн. 181—200). Поступили въ продажу:

181. Гринвудъ, Д. *Маленькій оборвышъ.* 25 к. 182. Зандъ, Ж. *Страшный великанъ.* 8 ... 183. Ибаньесъ, Б. *Проклятое поле.* 8 к. 184. Конопницкая, М. *Юзикъ.* 8 к. 185. Честе... Дж. и Ледлау, Дж. *Двѣ стачки.* 12 к. 186. *Раздумье.* Кн. 2-я. 8 к. 187. Фаворскій, ... *Пчелы.* 5 к. 188—189. Нарская, В. *Японія и японцы.* 2 кн., по 20 к. 190. *Добрый смѣхъ—грѣхъ.* Кн. 3-я. 15 к. 191. Святловскій, Е. *Дитя солнца.* 10 к. 192. Слѣпцова, М. *Завоева... Мексики.* 25 к. 193. Табуринъ, М. *Золотой ноготь.* 40 к. 194. Шарковъ, В. В. (б. з... агрон.). *Полезная для земледѣльцевъ книжка.* Сѣверныя губерніи. 18 к. 195. Шарковъ В. В. (б. з... агрон.). *Полезная для земледѣльцевъ книжка.* Среднія губерніи. 18 к. 196. Шарковъ, В. В. (б. з... агрон.). *Полезная для земледѣльцевъ книжка.* Южныя губерніи 18 к. 197. Святловскій, Е. ... *Муха.* 15 к. 198. Агинскій, Б. Р. *Борисъ Годуновъ и Лжедимитрій I.* (Смутное время въ Московско... Государствѣ). Книжка 1-ая. 20 к.

Дальнѣйшія книжки печатаются.

Напечатана „ДЛЯ МЛАДШИХЪ" книжка перваго возраста. Цѣна 40 к.

(Допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ школы и читальни).

Главный складъ *и редакція изданій М. Н. Слѣпцовой (Спб., Симбирская, 12).*

Изданіе „Книжка за книжкой" удостоено **ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ** на первой земской выстав... по народному образованію въ г. Курскѣ въ 1902 г. и **БОЛЬШИХЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ М... ДАЛЕЙ** на выставкахъ «Сѣверный край» въ Ярославлѣ (1903 г.), по техническому образован... (1903 г.) и «Дѣтскій міръ» (1904 г.) въ С.-Петербургѣ; **ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ** на международн... выставкѣ въ Парижѣ (1904 г.), **БОЛЬШОЙ СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ** на выставкѣ «Искусст... въ жизни ребенка» (1909 г.) въ С.-Петербургѣ.

Кн. 198-ая. **Цѣна 20 к.**

Тип. Т-ва и. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой". Спб. Знаменская, 27.

